

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 133 (3654)

Вторник, 25 декабря 1956 г.

Цена 40 коп.

В ПРЕДВЕРИИ НОВОГО ГОДА

Мысли, пожелания, предложения

Новые горизонты

Богат событиями уходящий 1956 год. Крупнейшим из них явился XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Новые горизонты открыл он и перед наукой, в том числе исторической. Вот и хочется, оглядываясь назад, сказать прежде всего о деле, которым я был занят в течение всего года. Это — составление учебного пособия по истории советского общества (с 1917 года до наших дней) для гуманитарных вузов страны, редактировать которое мне довелось.

Авторский коллектив и редакционная комиссия подошли немало труда, чтобы составленный ранее макет учебника пересмотреть коренным образом в свете указаний XX съезда партии. Нам была предоставлена возможность ознакомиться с новыми архивными фондами, доступ к которым был прежде ограничен или совсем закрыт. За сравнительно короткий срок мы, разумеется, не могли использовать эту возможность в полной мере. Тем не менее изучение неизвестных нам прежде материалов позволило уточнить и глубже понять многие важнейшие исторические факты и события.

Хочется сказать еще об одном отрядном событии: принято решение о создании нового исторического журнала — «История СССР», первого за советское время журнала по отечественной истории. Это новое издание, главным редактором которого назначен, начнет выходить в наступающем году. На его страницах будут освещаться события из истории народов СССР. Он будет также знакомить читателей с деятельностью зарубежных научных учреждений, занимающихся изучением истории СССР.

...Как быстро, однако, летит время! Давно ли, кажется, я бегал по улицам родной деревни в Приморье. Возникают в памяти школьные годы, рабфак во Владивостоке, Московский университет... А в этом году моя дочь окончила МГУ. Таким образом, уходящий год ознаменовался у нас также семейным торжеством.

М. КИМ,
доктор исторических наук
МОСКВА

Думы участкового врача

Этот год был наполнен множеством дел и забот. Кроме обычного амбула-

торного приема и посещения больных на дому, мне приходилось выступать с лекциями по радио и в доуниверситетских занятиях, заниматься политучебой, повышать свою квалификацию.

Хотя порой оставалось мало времени на досуг, семье, но все же я довольна этим годом, довольна потому, что люблю свою профессию. В этом году несколько уменьшилась наша загруженность, и мы, врачи, стали больше уделять внимания больным. В прошлом году у нас было восемь участковых врачей, а теперь четырнадцать, увеличилось число консультантов — специалистов. Мы можем произвести на дому даже рентгенологию, не говоря уже о некоторых физиотерапевтических процедурах.

Да, заметно улучшается медицинское обслуживание населения. Результаты? Вот хотя бы такой факт: количество инфекционных заболеваний за год сократилось вдвое.

Большое значение имеет и то, что мы, врачи, теснее связываемся с населением: создали санитарные посты при доуниверситетских занятиях, которые борются за чистоту и порядок, проводим встречи с жителями своих участков, на которых рассказываем о своей работе, выслушиваем много полезных предложений.

Чего я жду для своей работы в новом году? Многого, и раньше всего дальнейшего уменьшения — различной отчетности, чтобы у врача освободилось больше времени для осмотра больных. Об этом говорили и депутаты на недавней сессии Верховного Совета республики.

А это означает и увеличение досуга врача, что, к слову, совпадает с интересами и моего трехлетнего сынишки.

Анна ДРАЙСКА,
врач 1-й городской поликлиники
РИГА

Проблемы вузовской жизни

Весь нынешний год я работала над монографией, посвященной специальным вопросам расчета электрических сетей. Сейчас эта работа почти завершена.

В 1953 году несколькими нашим выпускникам, в том числе Евгению Жукову, Юрию Симонову и мне, посоветовали поступить в аспирантуру. Но мы сначала решили пойти работать на стройки.

Я участвовала в строительстве домов в юго-западном районе Москвы. Работала прорабом.

Жалею ли я теперь о том, что отказалась тогда поступить в аспирантуру? Нет, не жалею. Во-первых, я приобрела некоторый практический опыт, а во-вторых, приятно, что хоть в какой-то мере помогло разрешению жилищного вопроса в Москве. А ведь он, будем говорить откровенно, все еще стоит остро. Это я чувствую на себе и своей семье.

Недавно Е. Жуков, Ю. Симонов и я подали в институт заявления о поступлении в аспирантуру. Так я снова возвращаюсь в институт, возвращаюсь, обогащенная производственным опытом.

Это, пожалуй, самое важное событие в моей личной жизни, которое произойдет в 1957 году. Кстати, очень хорошо, что для технических вузов ввели такое правило: в аспирантуру можно поступить только после двух-трех лет практики.

К. ПЕТРОВА,
инженер-строитель
МОСКВА

и, может быть, сам внес в науку. Такие лекции студенты будут охотно посещать, независимо от того, существует ли свободное или обязательное посещение. В этом смысле совершенно бесспорными кажутся мне некоторые мысли, высказанные академиком С. Струмилиным на страницах «Литературной газеты».

Мне думается, что пора серьезно повысить требовательность к студентам, особенно в начале их учебы. Я преподаю на старших курсах и иногда просто удивляюсь, как некоторые студенты умудряются дойти до последнего курса. Видимо, правы те, кто предлагает увеличить набор на первый курс с последующим отсевом.

Я, конечно, не против десятиклассников, поступающих в вузы, но мне кажется, что нужно шире открыть двери для молодежи, имеющей трудовую и житейский опыт, для рабочей молодежи.

Не знаю, быть может, я несколько отклонился от прямого ответа на вопросы редакции, но эти и многие другие вопросы вузовской работы будут, очевидно, обсуждаться и найдут свое решение в 1957 году. Во всяком случае, на пороге нового года хочется на это надеяться.

В. ХОЛМСКИЙ,
профессор
политехнического института
КИЕВ

О чем не жалею

В канун нового года я мысленно подвожу итоги уходящего 1956-го, а точнее скажу, и двух предыдущих. Дело в том, что три года назад я окончил Московский институт инженеров городского строительства, а теперь снова иду учиться в этот же институт. Как это получилось?

В 1953 году несколькими нашим выпускникам, в том числе Евгению Жукову, Юрию Симонову и мне, посоветовали поступить в аспирантуру. Но мы сначала решили пойти работать на стройки.

Я участвовала в строительстве домов в юго-западном районе Москвы. Работала прорабом.

Жалею ли я теперь о том, что отказалась тогда поступить в аспирантуру? Нет, не жалею. Во-первых, я приобрела некоторый практический опыт, а во-вторых, приятно, что хоть в какой-то мере помогло разрешению жилищного вопроса в Москве. А ведь он, будем говорить откровенно, все еще стоит остро. Это я чувствую на себе и своей семье.

Недавно Е. Жуков, Ю. Симонов и я подали в институт заявления о поступлении в аспирантуру. Так я снова возвращаюсь в институт, возвращаюсь, обогащенная производственным опытом.

Это, пожалуй, самое важное событие в моей личной жизни, которое произойдет в 1957 году. Кстати, очень хорошо, что для технических вузов ввели такое правило: в аспирантуру можно поступить только после двух-трех лет практики.

К. ПЕТРОВА,
инженер-строитель
МОСКВА

ратилась к представителям различных кругов советской интеллигенции с просьбой коротко рассказать о своих работах в 1956 году и планах на новый год. Ниже публикуем первые ответы, полученные нами.

Надо смотреть вперед

1. Много нового, волнующе интересного в Донбассе. На шахтах вводится сокращенный рабочий день для подземных рабочих. Шахтеры, добывающие уголь непосредственно в лавах, работают всего шесть часов. Повсеместно организованы специальные ремонтные смены, и там, где это уже сделано, постепенно угасает штурмовщина, побеждает ритмичность в труде. Успешному решению многих трудных проблем угольной промышленности содействует новая система оплаты труда, повысившая личную заинтересованность шахтеров в выполнении государственного плана.

Делом, живым делом отвечает шахтеры на заботу партии и правительства. Печать Донбасса сообщает об увеличении добычи угля и заработка рабочих на шахтах, уже переведенных на новый режим работы. Донбасс на новом подъеме! И это ощущаешь уже в пути, в поездке «Москва—Сталино», в беседах с коренными донбассовцами.

Во всяком случае сосед мой по купе, конструктор горных машин, в курсе всех новшеств в угольной промышленности. Он с глубоким удовлетворением говорит о происходящих изменениях, но кое-что и в новой обстановке тревожит его. Красочно описывая поиски конструкторов и механизаторов, проверяющих свои замыслы в производственных условиях — на шахтах, он жестоко осуждает безразличие некоторых руководителей к новой технике. Мой попутчик говорит:

— Бывает так, что ты бьешься, растолкуешь, что новая техника больше всего ему нужна. А он...

И, не находя, видимо, достаточно выразительных слов, конструктор приложил к вискам платно сомкнутые пальцы рук и прикрыл ладонями глаза так, что оставалась очень ограниченная обзор.

— Вот так и смотрят некоторые: не дальше сегодняшнего дня. Уголек идет — ну и отойди! Но ведь спрос-то на уголек все растет! Ведь надо видеть завтрашний день, готовиться к нему, наращивать новые силы... А это значит непрерывно совершенствовать, обновлять и усиливать свое техническое вооружение. Вот что главное, по-моему!

2. Механизация труда шахтеров, добывающих из недр земли «черный камень», который дарит нам энергию, тепло, свет, всегда интересовала широкие круги нашего общества. На протяжении нескольких десятков лет в шахте производили революционные изменения. Созданные советскими конструкторами угольные комбайны подрезают уголь, отдают его от пласта и наваливают на конвейер; конвейер выдает уголь из лавы в вагонетки электропоезда. И вот уже электровоз мчит их к столбу шахты, одна за другой вагонетки с углем вкатываются в клеть электроподъемников, поднимающих их, как говорят шахтеры, на-гора. Непрерывный механизированный поток!

Теперь интереснее дальнейшим путем угля. Электроподъемник поднимает клетку на поверхность шахты, открывается клетка... И начинаются контрасты: две откатчики, напрягая мускулы, выталкивают вагонетку из клетки на рельсовые пути, она катится по уклону, катится все быстрее и быстрее. Откатчица бежит за вагонеткой и регулирует ее движение, подкладывая (на ходу!) под колеса тормозные колодки. Вагонетка, замедляя ход, приближается к опрокидывателю. И снова откатчица вталкивает ее в барабан. Поворот. Вагонетка опрокидывается колесами вверх. Тогда откатчица тяжелой кувалдой ударяет несколько раз по борту вагонетки и уголь высыпается в бункер.

Великолепные машины в шахте! И... кувалда, тяжелый ручной труд — на поверхности. Конечно, в первую очередь надо было механизировать труд шахтеров, работающих под землей, но разве нет у нас реальных возможностей механизировать и откатку?

— У нас есть все реальные возможности для этого. Больше того, мы обязаны были уже давно механизировать и автоматизировать не только откатку, но и все другие работы на поверхности шахт, — заверяет меня Николай Александрович Магницкий, главный конструктор отдела механизации работ на поверхности шахт Донбасского проектно-конструкторского института комплексной механизации шахт. — На этот счет есть несколько постановлений правительства.

Главный инженер знакомит меня с проектом механизированной откатки. Чудесные изменения! Когда электроподъемник выдает на поверхность вагонетку с углем или породой, открывается клеть, автоматический толкатель выталкивает вагонетку; своим ходом она движется по точно рассчитанному уклону рельсовых путей к опрокидывателю и автоматикой входит в него. Мгновенье! И вагонетка опрокидывается, сбрасывая уголь в бункер. Еще поворот — и пустая вагонетка вытесняется груженой. На всем этом пути рука человека не касается вагонетки. Управляет откаткой один человек, стоящий у пульты дистанционного управления.

Дыхание большой культуры

Быстро прошли десять дней, наполненных встречами москвичей с деятелями культуры Советской Эстонии. Они глубоко запомнились всем, кто видел спектакли эстонских театров, слышал музыку и песни прибалтийского народа. В дни декады театр оперы и балета «Эстония», драматический имени В. Кингисеппа и театр «Ванемуйне» показали тридцать шесть спектаклей, коллективы и солисты филармонии, эстонского радио и другие дали пятнадцать концертов. В десяти различных аудиториях состоялись встречи с писателями. Эстонское искусство и литература доставили москвичам огромное удовольствие.

В воскресенье в Большом зале консерватории состоялся заключительный вечер литературной части декады.

Наши друзья принесли с берегов Балтики свежее дыхание большого искусства, большой культуры, — сказал, открывая вечер, секретарь правления Союза писателей СССР Н. Тихонов. Мы расстаемся до новых встреч, но наша творческая дружба, связанная годами, стала еще крепче и плодотворнее.

В своем выступлении секретарь ЦК КП Эстонии Л. Ленцман подвел некоторые итоги декады и подчеркнул, что она содействовала дальнейшему развитию многонациональной культуры советского народа. Л. Ленцман горячо поблагодарил москвичей за сердечный прием и радушие, оказанные посланцам эстонского народа.

Со своими стихами на эстонском и русском языках выступили Э. Нийт, Ю. Смуул, В. Бейкман, Я. Кресс, Ф. Котта. Поэты-переводчики и артисты московских театров читали произведения П. Парве, Д. Вааранди, Э. Крустена, М. Нурме, М. Рауда.

Заключительный вечер литературной части декады в Большом зале консерватории. На снимке (слева направо): Э. Нийт, В. Бейкман, Н. Тихонов. Фото А. Ляпина

В большом концерте приняли участие женский хор профсоюза работников просвещения, ансамбль народных танцев Тартуского государственного университета, самодельный ансамбль народных танцев при филармонии, Государственный академический мужской хор, солисты театров Эстонии.

В Союзе писателей состоялось обсуждение эстонской детской литературы. Вниманию московских писателей и критиков было предложено 14 книг. Единодушно высокую оценку участников совещания получили повести А. Тигане «Нас горн зовет», Р. Парве «В подполье» и книжка для малышей Ф. Котта «Лесные певцы».

Л. Кассиль на примере повести В. Бейкмана «По дороге в Сииноору» говорил о неудачах молодых авторов, протеканиях из-за того, что они не владеют «секретами» различных жанров. Мысль о том, что и детская литература в республиках должна обладать национальным колоритом, проводил в своих выступлениях С. Баруди и М. Прилежкая. Разбирая книги Н. Павловой «Книжка про братишку» и Л. Смирнова «Мальчишки», Е. Благинина говорила о слабости художественной формы многих произведений для детей.

На совещании был поднят вопрос о качестве художественного перевода и редактуры. Б. Емельянов, В. Любимов, О. Высотская, А. Кердашова, А. Дорохов, Г. Ладончиков критиковали некоторых переводчиков. Но элементаризм и штампы в отдельных произведениях оспаривались А. Алексин и Ю. Яковлев.

В заключение выступил председательствующий С. Михалков. Он сказал, что, сожалеем, имеется много детских книг, где все правильно, но все мало, потому что сделаны они ремесленно-технически. Без мастерства. Надо овладеть художественным мастерством. Без него нельзя создавать произведения, способные воспитывать в ребятах высокие чувства.

В Центральном Доме литераторов эстонские писатели встретились с читателями. От имени московских гостей приветствовал А. Луконин. Я. Селлер рассказал о своей работе над романом «Красные гвоздики» и поделился дальнейшими творческими планами. Свои стихи читали Ф. Котта и Я. Кресс.

Сегодня в Союзе писателей СССР будет проведено расширенное заседание секретариата правления, посвященное итогам декады эстонского искусства и литературы в Москве.

Завод «Калибр» в дни декады посетила группа эстонских артистов. В просторном зале на импровизированной сцене гости дали большой концерт. На сцене (слева направо): конструктор завода Римма Пашкова, конструктор Анна Будкова, эстонская артистка Эстер Лепа, директор театра оперы и балета «Эстония» Ян Нарамес.

И в августе шахта не выполнила план. Ее коллектив испытал, как трудно иной раз бороться за новшество. Зато в сентябре и октябре шахта надежде «легла» на план.

— На первый квартал нового года ей собираются планировать 1 220 тонн в сутки, — сообщил мне работник планового отдела, — а когда будет увеличена емкость вагонеток, шахта сможет давать 1 500 тонн.

Плановик тут же на листке бумаги подсчитал, что потери угля из-за реконструкции будут с лихвой восполнены в ближайшие месяцы.

— А сколько неприятностей было, — укоризненно сказал он, не желая, по-видимому, более резко оценить явную нежелательность порожденную канцелярскими методами руководств.

Неужели в министерстве и в главке не понимают то, что понятно рядовому плановику? Конечно, понимают, отлично понимают, но не решаются брать на себя ответственность за снижение плана на 100 — 200 тонн, даже ради того, чтоб через месяц-другой вернуть потери с лихвой.

Правительство поручило Министерству угольной промышленности СССР задачу большой государственной важности — механизировать и автоматизировать работы на поверхности шахт, что должно освободить десятки тысяч рабочих от тяжелого ручного труда. Разве не могло министерство такой цели прислать своих представителей на шахту и сказать инженеру Кохану:

— Испытайте, монтируйте новое оборудование. В этом заинтересована вся наша промышленность. Никто тебя не будет бить рублем за это. Мы внесем поправку в план, премируем вас.

Разве руководители Главсталинугля не могли бы добиться, чтобы шахте № 7 оценили план на два месяца, а потом брать из этой же шахты на 500 тонн в сутки больше?

Конечно, могли. Но министерство и главк умышленно, как говорят, руки. И это тревожит, особенно сегодня.

В Донбассе созданы благоприятные условия для подъема угольной промышленности. Само собой разумеется, что по мере дальнейшего увеличения добычи угля возникнет необходимость в реконструкции отдельных узлов шахт, замене устаревшего оборудования более производительного, внедрения новой техники. Трудно рассчитывать, что все эти работы будут выполняться оперативно, быстро, если у новаторов, внедряющих новую технику, будет хотя бы временно снижаться заработок.

Министерство угольной промышленности, его главки обязаны поддерживать и всячески стимулировать усилия людей, стремящихся совершенствовать технику добычи угля.

Нужно смотреть вперед и действовать смело. Сталино — Москва

Конференция писателей стран Азии

23 декабря в Дели открылась конференция писателей стран Азии, созванная по инициативе индийских писателей.

В ней принимают участие представители Индии, Бирмы, Цейлона, Пакистана, Египта, Сирия, Китая, Вьетнама, Кореи, Монголии, Непала, Японии, Ирана, Индонезии, Советского Союза. На конференции присутствуют наблюдатели из Англии, США, Финляндии, Гватемалы, Германии, Румынии, Австралии, Венгрии, Швеции и ряда других стран.

Инструкторов гостей горячо приветствовал мэтр города Дели Р. Н. Агарвал.

С большой речью выступил председатель организационного комитета конференции профессор Хуман Кабир — выдающийся бенгальский писатель. Он отметил, что в Дели собрались представители интеллигенции стран Азии, которые на протяжении многих десятилетий были разделены и разобщены искусственно созданными барьерами. Сейчас настало время, когда эти барьеры рухнули и народы Азии имеют все возможности обобщаться и совместно бороться за счастье всего человечества. Кабир напомнил, что писатели занимают творческую работу в момент, полный опасности, когда определенные силы могут развязать новую войну. Он выразил уверенность, что писатели Азии понесут по всем странам призыв к дружбе, взаимопониманию, призыв к доброй воле и прочному миру.

Горячо встретили делегаты и гости появление на трибуне руководителя китайской делегации писателя Мао Дуня.

В повестке дня конференции следующие вопросы: традиции Азии, особенно проблемы пробудившейся Азии; свобода и писатель; писатель и его ремесло; обмен культурными достижениями.

НЕТ, ЭТО НЕ МЕЛОЧИ...

НА ЦЕЛИННЫХ ЗЕМЛЯХ Адамовского района — зима. Тяжело над полями, словно и не было в совхозах никогда сотен механизаторов — своих и приезжих, студентов, рабочих молодежи, не грохотали десятки машин. Все разбыхало по домам, остались одни хозяева. Выходит зерно на элеваторы, подвозят итоги минувшего года.

Этим итогам нельзя не радоваться. Из 30 миллионов пудов зерна, которое сдал Адамовский район государству, на долю совхозов приходится около 25 миллионов, причем это самый дешёвый хлеб. Себестоимость центнера зерна в целинных совхозах значительно ниже целинной себестоимости. В ряде случаев урожай с легкой возмездия агрария на строительство новых совхозов.

И все-таки работы на целине — не печальный край. Это прежде всего бытовое устройство новоселов, налаживание полноценной жизни в степных поселках. Что и говорят, много создавалось наспех, на живую нитку. Кое-где до сих пор нет воды, возят ее за десятками километров; не хватает жилищ, магазинов, складов, почти все продукты питания привозные, а расстояние от совхозов до ближайших железнодорожных станций 80—100 и более километров.

О совхозе «Комсомольском» можно без преувеличения сказать, что это самый образцовый по благоустройству из всех, в которых мы побывали. В пологой низине разбросано около 200 домов, склады, мастерские.

В совхозе немало сборных щитовых домов на каменных фундаментах, с паровым отоплением, однако предпочтение все же отдается индивидуальному строительству. За полтора года в совхозе поставили 102 индивидуальных дома — намного больше, чем в других целинных совхозах. Возводят их в основном на сауду, предоставляемую государством. Электрик Евгений Кольков охотно рассказывает:

— Судьи в десять тысяч рублей вполне достаточно. Машинист мельницы Степанов уложился даже в девять тысяч. Несмотря, сколько у нас из казенных квартир перешли в собственные: начальники участка Жакаев, шофер Соколовский, трактористы Кривачков, Шубин, плотник Сергеев — всех не перечислять.

Сразу же после сбора в совхозе были организованы три бригады по изготовлению самана. Им дали автомашин, тракторы. Две бригады ездили зимой в Свердловскую область, в лесхозы, на заготовку леса. К весне в степь завезли полторы тысячи кубометров древесины, которой хватило всем застройщикам.

Разговор о благоустройстве поселка продолжается в кабинете заместителя директора совхоза Зинькина. В рабочей комнате собрался председатель рабочего комитета инженер-строитель совхоза Иванов, члены рабочегокома.

— И сомневаться нечего, — убежденно заявляет Зинькин. — Надо строить больше и сама. В десять тысяч обходится дом — это же прекрасно! А щитовые из дерева, которые нам присылают за тридцать земель, стоят намного дороже.

Разговор заходит о местных строительных материалах. По мнению инженера Иванова, камышит для постройки кошар и морозильных в зимних условиях просто незаменим. В совхозе к концу пятилетки будет тысяча голов крупного рогатого скота, 25 тысяч овец. Представьте, какую экономию мог бы дать камышит по сравнению с другим материалом. Но

ведь камышитовых плит нет! На весь район один заводик, да и тот больше стоит, чем работает. Есть специальный пресс в совхозе «Озерном», в строительном управлении, но и тот тоже простаивает месяцами. А ведь на озере Жеты-Коль, недалеко отсюда, этого камыша видимо-невидимо!

Позже я познакомился с несколькими семьями новоселов, с интересом слушал их рассказы о первых днях жизни на целине, первых огородах, первых настоящих домах.

— Есть, которые уезжают, а мне вот нравится, — говорит Галина Павлюк. — Тесно, правда, зато элементарно, радио, газ и в городе.

Галина раздумываясь, оживилась. Однако сразу же потухла, как только разговор зашел о коровах. Да, молоко дорого: рубль восемьдесят копеек литр, а зимой два рубля с половиной. Со своей коровой, конечно, легче.

— Ну, а то, что корова, курь, свиных привяжут к себе, — не страшно? — Что же делать? — вздохнула подруга Галины Валя Новикова. — Мы привычные.

— А нельзя ли обойтись без индивидуальных коров? Ведь в совхозе есть ферма. Если механизировать на ферме доение да корма готовить машинами, так и молоко станет в полтинник. Пожалуйтесь, покупай сколько надо и работай на производстве. Это же десятки женщин освободит...

— Это бы хорошо, — заявил женщины, — но вот поговорить с нашим начальством: совсем другое услышите.

И правда, радушно встретивший меня Михаил Григорьевич Голованов, директор совхоза, как только я заговорил об этом, нахмурился:

— Нет, не наше это дело. Тут государственные цены.

И сколько я потом ни доказывал, что это тоже не частное дело — высвободить десятки работников для производства, вместо того чтобы искать новых, — а ведь в совхозе, как и вообще на целине, людей не хватает, он молчал.

При первой же возможности я поделился своими мыслями с секретарем Адамовского района партии Викентием Александровичем Тельновским. Увы, интересный разговор кончился также ничем. Тельновский в принципе соглашался с постановкой вопроса, но считал, что приобретение коров в личную собственность на первых порах более доступно, чем производство дешевого молока на фермах.

— Но ведь целинные совхозы существуют уже по два-три года?

— Конечно, конечно...

О том, что на целине однообразное питание, почти нет овощей, я услышал еще в Чкалове. Рассказывали, что целинники едят за лужом куда-то в соседнюю Кустанайскую область, за десятки километров. Тогда же я побывал на овиной базе горняцко-шахтерской и в облатреобхозе.

Хоть сейчас можем продать сто тонн капусты, — заявил начальник базы тов. Щербина, а начальник плодощего отдела облатреобхоза тов. Горышкин развернул целый генеральный план снабжения целинников овощами.

Побывав почти во всех целинных совхозах Адамовского района, я все же считал жалобой на однообразное питание.

— Раз два свежую капусту привозили, и все, — рассказывал мне бригадир тракторно-полеводческой бригады из совхоза «Комсомольский» Виктор Харитонов.

— Ни огурцов, ни картошки... О фруктах не говорим.

Вечером того же дня я познакомился с Силкоко, заместителем председателя райкоопы.

— Нет складов, хранилищ! — рассказывает Силкоко. — Обещают и ничего не строят. Тот же погреб, пустое, казало бы, дело, а мясо, масло, другие скоропортящиеся продукты или совсем не завозим, или завозим немного.

— При чем же здесь дирекция совхоза? Торгуете-то вы, кооператоры?

— Как при чем? — горячо переспросил собеседник. — По договору между Министерством совхозов и правлением Центрального кооперативного объединения, продаются товары, а склады, столовые, магазины строят совхозы!..

— А если они не построят?

— Мы терпим убытки! Директор совхоза отвечает за питание, но только морально. Материальной ответственности за порчу продуктов он не несет.

Два года прошло, как организовали совхоз, а работник не имеет ни одного магазина, ни одного склада, хотя жилищное строительство идет успешно. В прошлом году построили негодное овощехранилище, — и, как результат, двадцать тонн картошки померзла.

В МЕСТЕ с аспиранткой Валентиной Курьеловой, которая изучает организацию торговли на целине, мы зашли в Чкаловский облатреобхоз и заместителем председателя облатреобхоза тов. Евдокимову. Тов. Евдокимов в общем с нами согласен:

— В отношениях между потребкооперацией и совхозами, — говорит он, — далеко не все благополучно. Трех заведующих складами судили за порчу и хищение товаров, а директора совхозов и ухом не ведут. — Не их дело. В совхозе имени Девятнадцатого партсъезда — ни одного склада. Спрашивает директора: «Почему не строите?» «Лесу нет». Дали ему тридцать кубометров леса, и опять дело не двигается! Нет совершенно складов в «Восточном» совхозе, мало в «Адамовском». Лучшее всего дело в «Озерном».

— Вы правы: на целине мало овощей, — продолжает он, — но ведь во всех совхозах есть дождевые установки, локомобили, усадьбы пяти из семи целинных совхозов стоят на речках. Почему огорода не разводят? Надеются, что кооперация овощи привезет. Вот и выходит, что обеспечение целинников находится как бы между двух стульев: мы не в силах, а они отнимают. Мне думается так: надо или заинтересовать кооперацию в торговле овощами, или поручить все это совхозам и с нас тогда не спрашивать...

Моя спутница восприняла массу недостатков в распределении товаров широкого потребления. В совхоз «Буруктальский» недавно завезли двадцать пар детских носков. Конечно, не хватило. А в «Озерный» дали пять тысяч пар. В «Буруктальском» же несколько месяцев лежат костюмные ткани по пятнадцать рублей метр; а привезли десятком броек из дешевой шерсти, и сразу же очередь образовалась. Как правило, в магазинах совхозов мало обуви, рабочего платья, детской одежды.

Коровы, квартиры, овощи, рабочий быт — все это имеет жизненное значение для целинников. Помочь им в разрешении наиболее важных вопросов благоустройства и быта — важное и нужное дело.

Адамовский район, Чкаловская область.

ВСТРЕЧА С МИНИСТРОМ

РИГА. (Наш корр.). В Союзе писателей состоялась интересная встреча с министром сельского хозяйства республики А. Никоновым.

Совсем недавно окрился первый съезд специалистов сельского хозяйства Латвийской ССР. Его участники серьезно, глубоко обсуждали пути подъема сельского хозяйства республики; в прениях выступило около 130 человек.

В беседе с писателями министр, рассказывая о съезде, остановился на некоторых важных проблемах. Он заявил, что, несмотря на успехи, достигнутые в нынешнем году в Латвии, уровень производства продуктов сельского хозяйства не может нас удовлетворить. Дальнейшему повышению этого уровня мешали практика шаблонного планирования сверху, нерешенные вопросы организации труда и т. д. В свое время без учета местных условий было проведено укрупнение колхозов. Между тем практика показала, что в условиях Латвии наиболее рентабельны небольшие колхозы с земельной площадью 500—700 гектаров.

Большую роль для развития социалистического земледелия сыграли МТС. Сейчас латвийские поля вооружены современной техникой неизмеримо больше, чем когда-либо. Однако жизнь показывает, что некоторые формы отношений МТС и колхозов устарели, являются слишком сложными. Колхозы подчас сами лучше используют тракторы. На съезде говорилось о том, что колхозы должны получить отдельные машины в собственность.

Учитывая успех этой встречи, правление Союза писателей предлагает организовать такие беседы и с руководителями других министерств республики.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«РЕЦИДИВ СТАРЫХ ОШИБОК»

Так называлась опубликованная в «Литературной газете» 8 сентября 1956 года заметка, в которой говорилось, что Издательство Академии наук СССР неслабым быстрым темпом выпустило в свет книгу В. Баскакова «Мировоззрение Чернышевского», изобилующую методологическими и фактическими ошибками.

В связи с выступлением газеты дирекция и партбюро издательства сообщают редакции, что Издательство Академии наук СССР принимает научные работы не по своему усмотрению и не выбирает авторов, оно обязано печатать то, что утверждает академическим институтами.

Руконис книги В. Баскакова поступила в издательство после утверждения ученым советом и дирекцией Института философии Академии наук СССР. В сопроводительной рецензии специальной комиссии в составе А. Окулова, А. Маслина, З. Смирновой, а также в рецензиях М. Пешуровой, В. Шульгина, В. Замiatина ей давалась исключительно высокая оценка. За эту работу ученый совет Института философии присвоил В. Баскакову степень доктора философских наук.

Все это, тем не менее, не снимает ответственности с издательства за многие ошибки, обнаруженные в книге после ее выхода в свет. Эти ошибки были предметом специального обсуждения двух редакционных совещаний и в партийном коллективе издательства. На работников, не устранивших существенных недостатков рукописи, наложены выписки; приняты меры к усилению контроля за подготовкой рукописей к печати.

Что же касается сроков выпуска в свет книги В. Баскакова, то в письме в «Литературную газету» говорится, что редакционная подготовка рукописи длилась около семи месяцев, а в производстве книга не задержалась, потому что была несложна для набора и автор не правил ее в корректуру, подписав в печать верстку. В этом отношении работа В. Баскакова не является исключением, многие другие книги тоже выпускались издательством в весьма сжатые сроки.

Публикуя ответ Издательства Академии наук СССР, редакция не может не выразить недоумения в связи с тем, что Институт философии Академии наук СССР до сих пор не счел нужным сообщить, какие выводы сделаны его коллективом из той критики, которой была подвергнута в печати книга В. Баскакова «Мировоззрение Чернышевского».

Сталинградские художники готовятся к Всесоюзной областной выставке, посвященной 40-й годовщине Октябрьской революции. На снимке: Юрий Галковский работает над большим полотном, отображающим историческую битву на Волге. Картина называется «Соединение фронтов в районе г. Калача». Фото В. Сивакова

Из литературного наследия

В. Г. Короленко

К 35-летию со дня смерти

Владимир Галактионович Короленко, один из выдающихся русских писателей, вел обширную переписку с молодыми авторами. В отделе рукописей Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР хранятся 49 писем Короленко к С. П. Подъячеву. Эти письма, относящиеся к 1901—1915 гг., к периоду работы Короленко в журнале «Русское богатство», свидетельствуют об исключительном внимании его к тогда еще начинающему писателю и представляют немалый общественный интерес.

Письма Короленко к Подъячеву от 24 августа 1910 года и Морозову от 17 декабря 1916 года публикуются впервые. Письмо Короленко к Подъячеву включено в сборник «В. Г. Короленко о литературе», подготовленный и изданный Гослитиздатом.

Г. ДМИТРИЕВА, научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР

Многоуважаемый Семен Павлович!

Видел я в Питер, где был сильно занят. Только вернувшись домой, на досуге прочел Ваш рассказ «Провел время». Отзыв товарищей — отрицательный, и, к сожалению, приходится согласиться. Скоро пойдут у нас Ваши «Крестьяне». Там сразу открывается дело бабьей руганью, потом пьянство и смертоубийство. И тут опять с первых страниц бабья ругань, в том выпышки и потасовка, кончающаяся смертью. Попробуйте отдать куда-нибудь в другой журнал, но вообще — избегайте однообразия. Я уже писал Вам, что, по моему мнению, Ваша сила в наблюдении жизни, ее мало известных культурному обществу сторон. Нужно иметь в жизни и, кроме того, нужно культивировать, обрабатывать свое дарование. Вы на него не обращаете ни малейшего внимания: даже слога не стараетесь улучшить, чтобы придать ему больше ясности и выразительности. А нужно, кроме слога, подумать и о том, чтобы освежить содержание: на одном описании того, как люди выпивают и дерутся, долго сидеть нельзя. Есть же и другие мотивы в самой бедной жизни.

Не сердитесь: Вы, конечно, понимаете, что это откровенность, продиктованная уважением и интересом к Вашей работе. Распространите круг наблюдения, выйдите за пределы круга наблюдения, выйдите за пределы круга наблюдения. Какая, например, интересная тема —

Вл. КОРОЛЕНКО

24 авг. 1910 Мест. Сорочинцы (Полт. губ.) дер. Хатки

Руконис к книге шлю посылкой (скоро).

1 Подъячев Семен Павлович (1866—1934) — русский советский писатель.
2 Очевидно, подразумеваются рассказы С. П. Подъячева «Как Иван «провел время», опубликованные в журнале «Современник» за 1911 г., кн. 8.
3 Опубликовано под названием «Семейное торжество» в журнале «Русское богатство» за 1910 г., № 10.
4 «Вытово яленье» — очерки В. Г. Короленко, опубликованные под названием «Вытово яленье» (Записка публициста о смерти назин). Изд. ред. журн. «Русское богатство», С.-Петербург, 1910 г.
5 «Русские писатели» — ежемесячный литературный и научный журнал, издававшийся в Петербурге в 1880—1918 гг. С 1889 по 1918 год Короленко — один из редакторов этого журнала.

Многоуважаемый Иван Игнатьевич!

17.XII.1916. Стихотворным отдалом «Русские Записки»² зовут Аркадий Георгиевич Гурфельд³, почему и следует стихи направлять ему. Из присланных 3-х стихотворений ни одно, я думаю, не подойдет для «Русских Записок». «Иртыш» совершенно неинтересен, два других бедноваты (стих: «чтоб рабский склонялся я овей головы не правлен: склоняет голову, не склоняет головы»).

Конечно, насловать воображения, брать темы не по склонности воображения и чувства не следует. Нужно быть самим со-

бой. Я хотел только сказать, что в великом ли, в малом ли нужно дать что-нибудь свое. Конечно, модернистские кувырки по большей части — не поэзия. Но это не извывает от поисков нового, — нового хотя бы и в старом.

Желаю всего хорошего.

В. КОРОЛЕНКО

Полтава, М. Садова, № 1.

1 Иван Игнатьевич Морозов (1883—1942) — ирландский поэт-самоучка. Печатается с 1901 г. В 1914 г. вышел его сборник стихов «Разрыв-трава» с предисловием М. Горького.
2 «Русские писатели» — ежемесячный литературный, научный и политический журнал, издававшийся в Петербурге с 1914 по март 1917 г. вместо вышедшего прекращением журнала «Русское богатство».
3 Гурфельд Аркадий Георгиевич (1867—1941) — литературный критик.

У Тюменских литераторов

В Тюмени существуют два литературных объединения: одно — при газете «Тюменская правда», другое, более молодое, — в педагогическом институте. И следует заметить, что второе из них, насчитывающее около тридцати человек, работает гораздо интенсивнее, чем его старший собрат — объединение при газете. Начинаясь прозаики и поэты — студенты института — выпускают свою «Литературную газету». Их стихи в расказах появляются в «Тюменской правде» и «Тюменском комсомольце». Регулярно проводятся занятия по изучению родной и зарубежной литературы.

Все это очень оживило литературную жизнь города.

Молодой драматург В. Сергеева написала пьесу «Вдова», о роли женщины в колхозном строительстве. Пьеса принята областным драматическим театром к постановке. В Тюменском книжном издательстве вышла книжка стихов молодого поэта И. Лыскова «В первом маршруте». Готовится к печати сборник рассказов Майи Сыровой и книга очерков Е. Ананьина «Ворота в Сибирь», записки М. Лыскова «Патриотические встречи». Готовится коллективный

сборник произведений тюменских литераторов о людях Сибири.

Минусом в работе тюменских литераторов является то, что они не встречаются с заводскими и сельскими читателями. Многие из них, чтобы собрать материалы для рассказов или очерков, бывают и на заводах и в деревне. А почему бы не послушать мнение читателей об этих рассказах и очерках? Полезно было бы!

Иван МОЛЧАНОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

ТЮМЕНЬ

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

РАССКАЗЫ О МОЛОДЫХ

Только третья часть рассказов, составивших сборник Федора Колуцьева, была прежде опубликована в журналах.

Дело редностное. Оно тем более редностно, что рассказы в этом сборнике интересные, современные по теме, написанные одаренным и удивительно автором. Может быть, Федор Колуцьев был не очень настоящим или не в меру самолюбив, и один-два журнальных отказа легко смугили его? А может быть, наши толстые журналы оказались чужеродны «толстокожим» и недооценили молодого автора?

Откроем первую страницу книги... Впрочем, нет. Книгу начинают читать с обложки. «Дороги зовут» — так назвал свой сборник Колуцьев. Название неудачное. И дело не в том, что «дороги», «пути» и «тропы» стали литературным ширпотребом на рынке названий, а в том, что почти любую современную книгу можно без опаски назвать «Дороги зовут». В любой книге есть какие-то дороги, которые куда-то зовут.

Рассказы Федора Колуцьева посвящены молодежи. Большинство его героев — москвичи, люди будничных, незамысловатых профессий: Настенька — приемщица телеграмм на почте, Шура — типографская работница, Андрей — рабочий завода, Паша — моторист кинопередвижки, Колуцьев не старается убедить читателя в том, что он блестяще знает типографскую технику, ремесло моториста или же производственные заботы Андрея. Он пишет о молодых людях, а не о молодых мотористах или о молодых типографах.

Почти все рассказы так или иначе связаны с темой любви. И история любви каждого из героев Колуцьева так же незамысловата, как и их профессии. Вот Настенька. Десятью людьми ежедневно подходят к ее окошку и подают телеграфные бланки. Настенька среди многих клиентов замечает парня с дервишными зелеными глазами, студента, который после каждого экзамена посылает кому-

то телеграммы. Однажды он протигивает Насте бланк, на котором написано: «Насте Ивановой точно. Очень прошу Вас пойдете сегодня вечером на рынок толка Семен Кружлов». Настенька отвечает:

— Я не могу принять у вас такой телеграммы, гражданин.

Расстроенный студент уходит. Они встречаются через много месяцев в жаркий весенний день. Студент зачитал диплом, он уезжает из Москвы. Их встреча происходит накануне его отъезда. Но читатель верит — и это подтверждают тонкими деталями, интонацией, всем лирическим строем рассказа — в то, что любовь Насте и Семена не окончится в этот жаркий весенний день...

В рассказе «Настенька» налицо характерные для Колуцьева достоинства и недостатки. Сдержанность формы, точность подобостей и общее, пронизывающее всю книгу светлое, оптимистическое мироощущение. Но в то же время ощущается и некоторое психологическое мелководье, даже как будто нежелание заглянуть в человека поглубже. Конюшня большинства рассказов сборника даже самых лучших, раздражающе благополучна. При этом автор не ограничивается намеком на благополучие, а полностью его расширяет.

Вот, к примеру, хороший рассказ о мальчишке Леше «День рождения». Здесь есть много тонких и остроумных наблюдений, выразительные картины природы, пейзажи Москвы.

«Осен» в тот год была ранняя. Чуть ли не в середине лета зарыдали дожди. Буде ждали: вот пройдут они, и опять будет лето. Но из теплых дождей как-то незаметно превратились в холодные, осенние. Когда же они прошли, она оказалась, что уже зима, — по утрам подмораживало. Теперь уже за каждым автомобилем вился белый клубок пара».

В этом отрывке все очень точно, нет ни одного лишнего эпитета, и единственная, но свежая и типично «мальчишеская» подробность — белый клубок пара за автомобилем — создает картину зимнего города. Сюжет рассказа простенький. Мальчик долго готовился ко дню своего рождения, радостно и нетерпеливо предвкушал его, но в этот день, гуляя в городе, познакомился на улице с машинистом экскаватора (давнишняя

мечта) и провел с ним весь вечер, забывая обо всем. Когда он пришел домой, гости — мальчишки — уже разошлись, мать была в смятении. Праздник как будто не получился. Но нам ясно, что Леша был счастлив в этот день, и, однако, не доверяя читателю, автор дает в последней фразе расшифровку рассказа: «Уже совсем засыпая, Леша подумал: все-таки сегодняшний день был настоящим большим праздником».

Лучшие рассказы сборника — это «Память» (воспоминания автора о своем детстве в Тбилиси) и «Премьера». Слабые остальные рассказы — «Дороги зовут» — о комсомольцах, уехавших на целину. Это произведение совершенно расстнуто до размера небольшой повести и получилось скучноватым. Но и в этом рассказе есть запоминающиеся характеры (Верзиков, Ремея), есть правдивая атмосфера напряженной работы, бытовых трудностей и невгод, с которыми столкнулись целинники.

Еще одно замечание: сдержанность манеры Колуцьева иной раз превращается в сухость. Он много пишет о любви, о влюбленных, но его герои иногда чересчур рассудочны, температура их нечужда. Это происходит от того, что автор все время сдерживает свой собственный писательский темперамент, боится отступить в сторону от намеченной сюжетной схемы.

Хорошему, интересному рассказчику, выступившему с первой книгой, хочется пожелать большей творческой отваги, большей страсти в своих симпатиях и неприязни и больше того драгоценного, что называется игрой воображения и что автор непрестительно держит под спудом.

Ю. ТРИФОНОВ

ТЯЖКИЕ ГОДЫ

Крый разоренных кризисом фабрик и сланцевых шахт, кулацких стороженных хуторов, где хозяйва перед самым носом устало путника пьютая тяжелье со злобой закладывают; край болот,

З. МЯНИК
ЗА КОЛОЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ
Таллин, 1956

убогих, жалких деревушек и раскинувшихся осенних дорог, по которым в тоскливом страхе перед близкой голодной зимой бредут, кутаясь в лохмотья, безработные, — такой предстает перед нами буржуазная Эстония в небольших повестях эстонского писателя Эдуарда Мянника, объединенных в сборник «За колочей проволокой».

Осенний пейзаж открывает книгу: «Низкое серое небо висело над кривыми приземистыми соснами. Казалось, вся огромная болотистая равнина тогула в этой бесцельной влажной пелене... Мокрый ветер безжалостно вал с кустов последние листья, кидал их в лужи и грязь и, свистя и хлопая широкими крыльями, мчался дальше по бесконечному серому туманному полю».

Писатель не показывает сколько-нибудь крупно полицейско-фашистского разгула, хищнических махинаций главных заправил буржуазной эстонской республики, масштабной политической борьбы. Он рисует трудную жизнь простых людей Эстонии — крестьян, батраков, землекопов, шахтеров, безработных — в самых обычных ее проявлениях: эксплуататоры в его повестях — это мелкие хищники, обитающие на низших ступенях буржуазной иерархии экономической лестницы: жулики-подражники, хапуги-лавочники, самодурь-констابلы, маленькие царки — «серые бароны»... Однако это внимание к «периферии» капиталистического мира как раз и дает нужные писателю хмурые, тяжелые краски: ведь самое страшное — это когда нужда и опасность, болезнь и голод подстерегают человека на каждом шагу, в любую минуту. Куда было деваться простым труженникам, героям повестей Эдуарда Мянника, если даже лавочник Кяри, который, как крупное событие, предзнавал покупку хорошего радиоприемника, и тот пьяноко присыпается в тощим кошелькем бедняков; если даже при малейшем протесте труженников ждала крутая расправа?.. Выход для простого человека только в борьбе или победе, и, следуя правде жизни, писатель повел юных героев книги, сироту Таави и выгнанного из школы Арио Аллера, через колочую проволоку границы в Советский Союз, на который с надеждой обращены были взгляды эстонских труженников, а кузница Амбросуса и бывших рабочих, бывших

будущего; недаром заключил книгу страстным призывом: «Товарищи, берегите свет!...Никогда не дайте ему погаснуть. Зажгите еще больше огня, осветите все темные норы нашей прошлой жизни, все дороги, где бродила нужда и нищета!»

Ю. КАРАСЕВ

ОБЛИЧЕНИЕ МЩАНСТВА

А. Алексин
ЗАПИСКИ ЭЛЬВИРЫ
«Юность», № 5, 1956

Повесть Анастасии Алексин «Саша и Шура» радует наших маленьких читателей забавными и инклюзивными, богатством юмора и смеха. Но смех этот — добродушный, безобидный. Лишь на некоторых страницах смутно угадываются сатирические возможности автора. Эти возможности раскрываются в первой «взрослой» повести А. Алексин «Записки Эльвиры».

Яркие и броские иллюстрации к повести несколько настораживают: неулыбчивое это еще одно сатирическое произведение или так называемый «стиляжка»? Но начинаешь читать и убеждаешься, что это совсем не сатирическое произведение, а просто рисунок художника К. Рогова, сам по себе очень талантливый, с юмором, но не соответствующий замыслу автора. Алексин написал тонкую, лирико-сатирическую повесть, а рисунки — это сатира, переходящая в шарж.

Своей главной мишенью автор повести избрал один из самых живучих и вреднослышавших пережитков прошлого — мещанство. Алексин нашел новые и очень острые детали, которые метко обличают, разят воинствующих мещан — Эльвиру мамашу и спекулянтку Римму Васильевну. Обратите внимание на походу спекулянтки: «По коридору Бормила Васильевна шла как-то боком, бойливо озиралась по сторонам, как проходила по зданию, где только что кончился ремонт, о чем предупреждает табличка: «Осторожно, окрашено!»

Наиболее интересный персонаж повести — сама Эльвира. Перед нами, по существу, положительный и даже обаятельный образ. Эльвира — хорошая, сердечная девушка, но лишняя столь драгоценного чувства юмора. Но только все ее добрые качества до поры до времени заперты где-то глубоко внутри.

«На Севере Дальнем» — это вымышленный альманах, выходящий в Магадане, одном из молодых городов страны. Больше чем на две тысячи километров протянулась Магаданская область с запада на северо-восток. Англия, Франция, Германия, Бельгия и Голландия уместились бы на ее территории.

Сейчас трудами армии геологов с географической карты области почти полностью стёрты белые пятна, о каковой истории этого со сложной судьбой края таково, что в литературе и по сей день остался он «белым пятном». Широкий читатель ничего не знает об огромной, богатейшей земле — «золотом мехе» нашей Родины, о людях, покоровших суровый, непокладистый край, о подлинных героях, известных и оставшихся неизвестными. Покоренная Колыма, на тысячу с лишним километров в горах, толах, тайге проложенная трасса — их обитель подвиг. Хочется сказать молодежи, той, что пришла и прибудет еще сюда: любите, уважайте эту землю! Много вложено в нее титанического труда, сил. Нельзя равнодушно ходить по этой земле.

Много новоселов приезжает на Колыму. Она кратчайшим путем позволяет узнать о крае, который встречает их со всем доступным радушием. Но читать почти ничего. Нескольким книг, выпущенных местным издательством, и альманах «На Севере Дальнем» — юный альманах молодой области. Родился он только в прошлом году, и сейчас готовится к выпуску лишь пятая его книга.

Альманах выпускается областным литературным объединением, условия работы которого весьма своеобразны. Участники литературного объединения, авторы альманаха тысячами километров отделились друг от друга и от родолюбивой. Самая близкая — по километрам понятия «район» с Магаданом работающая — литературная группа области в поселке Ягодном. Он отстоит от Магадана в «каких-нибудь» шестистах километрах!

Недавно прошло первое совещание литераторов Магаданской области. Впервые начинающие прозаики, поэты, очеркисты встретились не только на страницах альманаха. Это были представители самых разных районов, самых различных профессий: инженер Виктор Голдобинский и Георгий Болшаков, геолог Борис Лозовой, механик автобазы Виктор Вавер, экономист Всеволод Шпринг, летчик Владимир Простаков, работники газет области.

Среди магаданских товарищей нет еще профессионалов-писателей, все они много и нелегко трудятся в геологических партиях, за штурвалом самолета, на стройках или в трудных командировках за материалом для газетной полосы. И это все-таки очень хорошо, когда молодой литератор к стиху, к рассказу идет непосредственно от жизни, когда у него есть что сказать и он честно стремится постичь, нам это лучше сказать.

И — неравнодушные! Нужно, необходимо, чтоб была у писателя горячая заинтересованность в судьбе не только своих произведений, но и в судьбе своего края, ходом от которого он должен быть всегда и везде, на любой трибуне. Разве мало еще у нас такого, о чем должно болеть сердце?

Полярный летчик, молодой поэт Владимир Простаков говорил совещанию не только о своих стихах, но о своей Чукотке, о том, как трудно прокладывать путь культуре в широтах, где зимой ветер со скоростью 42 метра в секунду и пурга затрясут даже выход из домика.

Простаков говорил без бумажки, с волнением. Мне не так-то легко было здесь приходить. Когда я прослушал на Севере два с половиной часа и в Мариновском районе увидел деревню, я его поцеловал. А теперь люблю Чукотку. Песни надо сказать об этой земле. Чтоб было много песен. Хороших! И очень плохо, что альманах, где только и можно почитать о нашем Севере, так трудно доходит до наших мест...

Глаза Эльвиры затуманены маминим воспитанием, взглядом людей, подобных Нелли и Римме Васильевне. Мы видим, как сильно влияет на молодой, еще не сформировавшийся характер ее окружение. Не приходится ли мой взгляд, упрекая автора в быстрой «переводке» главной героини: знакомство с новыми соседями — дочерью Сергеем Сергеевичем и его матерью учительницей — лишь пробуждает все то хорошее, что и раньше жило, но таялось, дремало в характере, в сердце девушки. Форма повествования от первого лица, от лица Эльвиры, помогает нам лучше, как бы изнутри, разглядеть момент нравственного пробуждения, прозрения девушки.

Очень ценно и принципиально важно, что в этой сатирической повести удалась образы положительных героев. Вот ученица техникума учительница Лена Сирилова... При первой же встрече с ней зоркий женский глаз Эльвиры подмечает такую деталь: Лена запакивает пальто на правую сторону, значит — перелицовано. Да, Лена живет нелегко... Но как естественна ее бодрость, жизнелюбие, уверенность в завтрашнем дне. Эта уверенность куда прочнее, чем у Нелли, хотя та, в отличие от Лены, сумела поступить в институт «на обломках папиных связей».

Симпатичен в повести и доцент Сергей Сергеевич, хотя его «ученая» чудачковатость уже знакома нам по другим литературным произведениям.

Алексей умеет одним-двумя штрихами нарисовать запоминающийся человеческий тип. Таков, например, Эльвириный папа с его характерным «устал бороться». Такова и тетя Андриша — борющаяся за абсолютную справедливость в семейных делах. Как уже отмечалось, в «Записках Эльвиры» сатира искусно сочетается с лиризмом. Но надо прямо сказать: сатирическая линия удалась автору куда больше, чем лирическая.

Не до конца и не во всем писатель избежал шаблона. Образ Нелли, например, очень напоминает примененную на нем фигуру фельетонной «фифы». Бесцветен и образ матери доцента — добродетельной учительницы Марины Федоровны.

А в общем надо отметить, что в строй удачных, интересных произведений последнего времени вступила весьма своеобразная повесть.

Ю. АННЕНКОВ

Ист. ЛЕВАКОВСКАЯ

На Севере дальнем

Альманах «На Севере Дальнем» читается в области и выписывают за ее пределы. Это отнюдь не означает, что он совершенен, это говорит об острой нужде в литературе о Севере. А делать альманах литературного объединения, где нет ни одного опытного писателя, где и авторы и редакторы молодые, не так-то просто.

В вышедших четырех объемах книжки есть много слабого, печатать неуменно лежит еще и на тех произведениях, где несомненно авторская одаренность, но есть в этом альманахе то, что радовало и в выступлениях многих участников совещания, — дыхание жизни, бурно растущего края. Первый номер даже трудно назвать альманахом: в нем хаотическое смешение пятнадцати рассказов с примерно таким же количеством стихотворений. Ни очерки, ни отрывки критики и библиографии, ни краеведческого материала, который можно и необходимо широко использовать в этом издании.

А вот вторая книга уже обнадёживает. Многие, и прежде всего — залесники геолога Ионикевича Ивановича Галченко «Мы идем на Север». Это — документальная повесть, написанная участником одной из первых экспедиций на Колыму. Ив. Галченко руководил партией, которая вела исследования в районе хребта Черского. В основу повествования положены действительные события и факты.

Написана повесть живо, образно. Автор удалось зримо показать тяжёлую, но полную подлинной увлекательной романтики работу геологов-поисковиков. Очень нужны такие книги сейчас в области, где не один из приехавших носорогов посвятит свой славному делу разведки земных недр.

Молодые авторы стараются ближе полотить к правде жизни. Интересна глава из романа В. Попосова «Подвиг». Триста человек на прикесе остались зимой, без продуктов, отрезанными от мира. Трудно писать о таком, но ведь случилось и такое, и автор учится писать правду.

О наших днях написан рассказ М. Петрова «Случай на прикесе». О людях своих и чужих, о том, что не всегда красивые полотноша доуговов на промысловых приборах разрешены надежными руками.

Неумолимо построен рассказ бесспорно одаренного автора Бориса Некрасова «Длая Федя», но есть в нем большая правда образа, правда характера. Суровый и бесстрашный, немногословный и внимательный человек, всю жизнь проплавивший на одном из самых строгих морей — Охотском, Федя входит в память, несмотря на композиционные несовершенства рассказа. Кстати сказать, в Магаданском издательстве вышла первая книга В. Некрасова «Ветер в лицо». В сборнике немало вещей недоработанных, но в каждом рассказе чувствуешь живых людей и трепещущую северную землю, где они живут, земля, которая не любит слабых. От этого автора мы вправе ждать глубоких произведений о Севере.

Упорно, от номера к номеру, учится писать Олег Ошанинко. Он хорошо знает Чукотку. Первые рассказы его об этой, далекой от Магадана далекой, земле читались глаголом, но вызвали сомнения в достоверности. Однако была в них милостливая, сладость в изображении чужей — народа смелого и мужественного. Очень обнадёживает последний рассказ молодого писателя, где в свойственной ему легкой поэтичной манере Ошанинко говорит о любви, терпящей испытание, о старике-чучке, умном и сдержанном, так отески опекающим и школу и молодежь учителями.

У летчика Вл. Простакова в маленьком его стихотворении «Новый день» солнце, медленно подымающийся над землей там, где начинается Россия, отправляется в свой путь как творец и труженик. О жестокой охватке с непокоренной рекой писатель геолог Борис Лозовой в «Валдале о паводке».

Упорно, от номера к номеру, учится писать Олег Ошанинко. Он хорошо знает Чукотку. Первые рассказы его об этой, далекой от Магадана далекой, земле читались глаголом, но вызвали сомнения в достоверности. Однако была в них милостливая, сладость в изображении чужей — народа смелого и мужественного. Очень обнадёживает последний рассказ молодого писателя, где в свойственной ему легкой поэтичной манере Ошанинко говорит о любви, терпящей испытание, о старике-чучке, умном и сдержанном, так отески опекающим и школу и молодежь учителями.

Упорно, от номера к номеру, учится писать Олег Ошанинко. Он хорошо знает Чукотку. Первые рассказы его об этой, далекой от Магадана далекой, земле читались глаголом, но вызвали сомнения в достоверности. Однако была в них милостливая, сладость в изображении чужей — народа смелого и мужественного. Очень обнадёживает последний рассказ молодого писателя, где в свойственной ему легкой поэтичной манере Ошанинко говорит о любви, терпящей испытание, о старике-чучке, умном и сдержанном, так отески опекающим и школу и молодежь учителями.

Упорно, от номера к номеру, учится писать Олег Ошанинко. Он хорошо знает Чукотку. Первые рассказы его об этой, далекой от Магадана далекой, земле читались глаголом, но вызвали сомнения в достоверности. Однако была в них милостливая, сладость в изображении чужей — народа смелого и мужественного. Очень обнадёживает последний рассказ молодого писателя, где в свойственной ему легкой поэтичной манере Ошанинко говорит о любви, терпящей испытание, о старике-чучке, умном и сдержанном, так отески опекающим и школу и молодежь учителями.

Упорно, от номера к номеру, учится писать Олег Ошанинко. Он хорошо знает Чукотку. Первые рассказы его об этой, далекой от Магадана далекой, земле читались глаголом, но вызвали сомнения в достоверности. Однако была в них милостливая, сладость в изображении чужей — народа смелого и мужественного. Очень обнадёживает последний рассказ молодого писателя, где в свойственной ему легкой поэтичной манере Ошанинко говорит о любви, терпящей испытание, о старике-чучке, умном и сдержанном, так отески опекающим и школу и молодежь учителями.

Упорно, от номера к номеру, учится писать Олег Ошанинко. Он хорошо знает Чукотку. Первые рассказы его об этой, далекой от Магадана далекой, земле читались глаголом, но вызвали сомнения в достоверности. Однако была в них милостливая, сладость в изображении чужей — народа смелого и мужественного. Очень обнадёживает последний рассказ молодого писателя, где в свойственной ему легкой поэтичной манере Ошанинко говорит о любви, терпящей испытание, о старике-чучке, умном и сдержанном, так отески опекающим и школу и молодежь учителями.

Упорно, от номера к номеру, учится писать Олег Ошанинко. Он хорошо знает Чукотку. Первые рассказы его об этой, далекой от Магадана далекой, земле читались глаголом, но вызвали сомнения в достоверности. Однако была в них милостливая, сладость в изображении чужей — народа смелого и мужественного. Очень обнадёживает последний рассказ молодого писателя, где в свойственной ему легкой поэтичной манере Ошанинко говорит о любви, терпящей испытание, о старике-чучке, умном и сдержанном, так отески опекающим и школу и молодежь учителями.

Упорно, от номера к номеру, учится писать Олег Ошанинко. Он хорошо знает Чукотку. Первые рассказы его об этой, далекой от Магадана далекой, земле читались глаголом, но вызвали сомнения в достоверности. Однако была в них милостливая, сладость в изображении чужей — народа смелого и мужественного. Очень обнадёживает последний рассказ молодого писателя, где в свойственной ему легкой поэтичной манере Ошанинко говорит о любви, терпящей испытание, о старике-чучке, умном и сдержанном, так отески опекающим и школу и молодежь учителями.

Все, что вклято в честном бою, завоевано большим трудом, дорого человеку. Нелегко привыкнуть к Северу, еще труднее расстаться с ним. В Закарпатье живет сейчас молодой поэт Бор. Комский, а стихи его — все о Севере, и опубликованы они в северном альманахе:

...Но почему же, купаюсь в советских Роз и тюльпанов, ромашек и канн. Я вспоминаю размятанный ветер. Серый от злости, селой океан? ...Север зовет. Это Север стучится В сердце мое телеграммой друзей, Сжатым летитом газетной странникой. Климом промчавшикс в небе тусел, Сердце не может на зов не ответить — Часть его там, в Заполярном краю... Жадно глотая я северный ветер. — Прятать не надо кукулянку мою!

О труде северян появились в последних номерах альманаха и очерки. Русские учителями зоокомолог Сергеева и зоомолога Новикова, 25 лет назад от руки переписавшие эскимосский букварь, потому что лишь один экземпляр книги попал тогда на Чукотку. Бригады охотников за морским зверем Елена Алкина — дочь моряка, как зовут ее в колхозе... Очень хорошо, что стал альманах рассказывать читателю о живых людях. Пусть больше будет таких очерков, пусть видит молодежь, с кого нужно брать пример.

Факультет двадцати пяти местных авторов стоит в главлении четвертого номера. Это цифра внушительная. Хорошо сделали товарищи — надо прямо назвать их имена — Н. Козлов, П. Нефедов, В. Некрасов, С. Ошанинко, на пустом месте собравшие и сплотившие значительный авторский актив. В области работают способные люди. С интересной поэмой о русских землепроходцах «Южная историческая» выступил в этом номере В. Португалов, готовится к печати интересные рассказы Галины Остапенко и Виктора Вавера, живущих далеко от Магадана, получили хорошие отзывы специалистов сборник «Сказки народов Севера» в сапсии и обработке Л. Соколова, выпускаемый Магаданским издательством, готовятся новые стихи В. Сергеева, С. Лишини, М. Демин, Кузнецкий и другие молодые поэты.

Почему-то особенно обидно встречать на страницах альманаха вещи не только серые, но просто некачественные, не имеющие права быть напечатанными. Только стремлением во что бы то ни стало заполнить страницы альманаха можно объяснить помещение в первом номере рядом с хорошим стихотворением Б. Комского стихов, беспомощная подражательность и риторичность которых так очевидны. Последующие номера тоже выиграли бы от одного только сокращения.

«На Севере Дальнем» — не хуже иных альманахов, старшие его возрастом. Но этого мало. Альманах северный должен быть очень хорошим, нужным и полезным. И как говорят в области, «материку».

В августе «Правда» поместила обзор «Магаданской правды», а в нем была упомянут автор небольшой статьи, о которой автор не вспоминает. Сергей Дмитриевич Раковский, один из первооткрывателей золота на Колыме, высланный здесь с экспедицией на Охотское побережье, когда на месте Магадана еще шумела тайга. Раковский и сейчас работает в области начальником одного из геологоразведочных управлений. Так вот несколько строк из замечательной биографии этого человека, много лет своей жизни отдавшего Северу, уже живо отозвались в сердцах. Старшина 2-й статьи Колыванский, старший матрос Козаков из Приморья, Григорий Сабитый из Фрунзенской области написали Сергею Дмитриевичу о том, что хотят идти его дорогой.

Правильно делает альманах, готовя к печати воспоминания С. Раковского. Правильный рассказ такого патриота Севера, как и живые слова других бывалых северян — наших современников, помогут многим молодым найти свою тропу в жизни.

Пусть каждый номер альманаха станет настоящим агитатором и пропагандистом своего богатого, так нуждающегося в хороших людях северного края.

искренней доброжелательностью и убежденностью, то, даже не соглашаясь, и читатель и писатель все-таки задумаются, получат пищу для работы, мысли.

Русский читатель знает драматургию Янобсона последние лет — «Жизнь в цитадели», «Борба без линии фронта», «Шакалы». Л. Тоом впервые «вводит в обиход» прозу А. Янобсона 1927—1941 гг. Это тем более отрадно, что у нас обычно лишь спороборными упоминают о начальном отрывке пути, который прошли писатели, как это принято говорить, со сложной творческой биографией. Очень редко удается читателю узнать что-либо о произведениях досовременного периода, произведениях, где нет ясного и последовательного понимания жизни, есть грехи натурализма или объективизма.

Не свободна от элементов натурализма и проза А. Янобсона досовременного периода — романы «Поселок бедных грешников», «Старая гвардия» и др. Тем не менее Л. Тоом посвящает почти половину книги разбору произведений «раннего» Янобсона. И это тоже связано с общей устремленностью очерка: «Поселок бедных грешников» сейчас, может быть, и не стоит популяризировать, но многое там уже устарело, но, безусловно, следует анализировать.

Обратившись к ранним произведениям А. Янобсона, Линия Тоом сумела проследить становление некоторых особенностей творческой манеры писателя. Уже в произведениях 30-х годов слышны черты отрывочного титанического Янобсона к заострению одной какой-либо проблемы, явления. На этом приеме и будет строиться драматургия Янобсона последующих лет.

Нужно ли говорить о том, что далеко не все совершенно в очерке? Ему не хватает итоговых обобщений. В некоторых главах досадно недостает глубины анализа, многие выводы остаются недоказанными. К примеру, Л. Тоом утверждает: «Большинство персонажей повести — живые, запоминающиеся лица с яркой социальной и индивидуальной характеристикой». А подтверждается это... авторской ремаркой, описывающей внешний облик героя.

Можно найти немало других частных недоработок. Но сейчас Хотелось бы не подчитывать плюсы и минусы, а поддержать тенденцию очерка Л. Тоом — тенденцию к анализу вместо популяризации.

А. БОЧАРОВ

НОВЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

«ДАДЗИС»

С января 1957 года в Латвии начинает выходить новый журнал — сатирический двухнедельник «Дадзис» («Черт-полох»)

У нового, находящегося еще в колыбели журнала есть уже солидные традиции. Это традиция всей прогрессивной латвийской сатиры, которую продолжали Я. Райнис и А. Улит. Уже в первых номерах «Дадзиса» об этой преемственности напоминал читателям традиционные народные юмористические типы — Вренчис и Жижулис.

В журнале примут участие многие известные латвийские писатели. Журнал будет выходить шестидесятистраничным тиражом, печататься в три краски. Подписка на новый журнал прошла успешно.

Пожалуй, главный вопрос, который еще не решен, — это адрес журнала. Редакция не получила еще постоянного помещения.

РИГА. (Наш корресп.)

Юбилей

Н. Емельяновой

Исполняется 60 лет писательнице Нине Александровне Емельяновой. Правление Союза писателей СССР обратилось к ней с приветствием, в котором отмечает огромную популярность ее произведений, посвященных Сибири и Дальнему Востоку. Со страниц книг «Заманщина», «В Уссурийской тайге», «Повесть о родных и знакомых», многочисленных рассказов встают яркие образы наших современников. Написанные в разные годы, они сегодня помогают нашей молодежи, отправляющейся на новые земли, познать и полюбить Сибирь и Дальний Восток.

В приветствии говорится и об успехе написанной во время войны повести «Криуры», вышедшей несколькими изданиями у нас и переведенной на китайский, английский, французский, шведский и другие языки, и о легкой повести «Колбасы» и о новой повести «Родники». Приветствие заканчивается пожеланием писательнице здоровья и новых творческих успехов.

К ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

У истоков советской поэзии

Есть писательские имена, опустить которые история советской литературы не может. Есть поэтическое творчество, без анализа которого нельзя верно представить себе литературный процесс и развитие поэтики поэзии и литературы в целом. Одно из таких имен — имя пролетарского поэта Михаила Герасимова, одного из зачатей советской литературы. Между тем за последние двадцать лет не только в общих обзорах советской литературы, но и в литературоведческих работах, посвященных первым двум десятилетиям советской поэзии, о Михаиле Герасимове почти не упоминалось. Даже в «Общере истории русской советской литературы», выпущенном Институтом мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР в 1954 году, имя Михаила Герасимова ни разу не встречается.

Писать стихи Михаил Герасимов начал в 1913 году. Человек красочной и суровой судьбы, сын железнодорожного рабочего, с детских лет познавший труд и 16-летним юношей в 1905 году вступивший в РСДРП, в 1906—1907 годах — участник царской тюрьмы, а с осени 1907 года — политический эмигрант, усложняющийся из-под ареста при провале концептивной квартиры, пролетарий, прошедший школу заводщика, шахтера, слесаря и монтера в шахтах и на заводах Франции и Бельгии, изысканий моря и океанов в качестве котельщика, машиниста и угольщика, Михаил Герасимов принес в революционную рабочую поэзию «Звездный» и «Правда вновь возмужав, свою собственную тему — тему современного индустриального завода как символ пролетарского труда, солидарности и борьбы.

Не случайно, выходящая в 1917 году вторая «Сборник пролетарских писателей», А. М. Горький не только поместил там шесть стихотворений Михаила Герасимова, но и открыл этот сборник его стихотворением «Крест».

Высланный осенью 1915 года на Францию в Россию за антивоенную пропаганду, Герасимов был арестован царским правительством и отбыл под надзор жандармов. Михаил Герасимов принимает активное участие в Октябрьской революции, избирается членом ВЦИК. В 1917 году и позже он занимает ответственные посты в предгубисполкоме, губвоенкомате и другие.

«БОРИС ГОДУНОВ» НА ЭСТОНСКОЙ СЦЕНЕ

В эти дни прежде всего отменяется для себя динамично музыкальный театр. Чтобы ощутить его достаточно мысленно сопоставить вышедшие спектакли, привезенные в Москву на вторую декаду эстонского искусства, со спектаклями прошлой — первой — декады. В особенности равняются между собой сценические воплощения музыкального классика. В прошлый раз театр «Эстония» показывал москвичам своего «Евгения Онегина». Сказать правду, — по установившейся старой привычке к декадному «ритуалу», «Онегина» тогда переключили, — спектакль был неинтересным, слабым, эклектичным. Однако похвалы не ватуманили головы труппе таллинского музыкального театра. И вот сейчас «Эстония» показала стилистически «Бориса Годунова» — постановку, которую уже без всяких скидок можно назвать хорошей, очень хорошей.

Скажут: что ж в этом удивительного? Ведь Бориса поет Т. Куузин, один из виднейших певцов Эстонии, опытный оперный актер. Да, это правда, но не вся правда. Т. Куузин, действительно, с большим воодушевлением исполняет главную роль в опере Мусоргского. Надо сказать, что за последние годы певец сделал большие, заметные успехи — в его голосе сейчас появилось гораздо больше красок, он овладел красиво звучащим пиано, несколько внешне и холодно уступает место в его игре глубоко прочувствованным и искренним переживаниям. Мелодию «Скорбят душа» сцену в тереме Нариса, сцену смерти Бориса Т. Куузин поет и играет мастерски. Конечно, для того, чтобы хорошо поставить «Бориса Годунова», театру очень важно иметь выдающегося исполнителя для роли Бориса. Важно и... все же мало. Ибо в «Борисе Годунове», как, кстати говоря, во многих других русских классических операх, есть много небольших по объему ролей, но нет ролей малозначимых, второстепенных. Сила эстонского спектакля «Борис Годунов» как раз и видна на том, что в театре нашлись исполнители — актеры для таллинских театров Самуил Шулского (М. Тарас) и Самуил Ваванца (В. Гурьян) для Варлаама с Мисаилом (Ааро Пярн и Хейно Отто) и Пименом (Отт Раукас), и величественной Марины Минтше (Олга Лунд). Снаем, больше того. Своим успехом сам Куузин в немалой мере обязан тому, что мог опереться на достойных партнеров, на крепкий и выдержанный ансамбль всего спектакля. Достойным «Бориса Годунова» на эстонской сцене является именно эта ансамблевая стройность, внутренняя музыкальная гармоничность.

Мы привыкли к более мощному звучанию оркестра в «Годунове», чем это в со- стоит дать оркестр «Эстонии» (дирижер Прийт Нитула). В ряде моментов оркестр звучит живо. Но надо отдать справедливость дирижеру, — не форсируя звук, не заглушая певцов, он умеет добиться не только тонких, разнообразных оттенков

рода факты общественной жизни того времени. Это касается не только судеб отдельных писателей, определения их места в советской литературе. Это необходимо и для объективного, верного анализа реального литературного процесса.

В то же время он продолжает свою литературную работу, выпускает сборники стихов «Ветные зовы», «Монна Лиана», «Воздух осенний». К этим годам относятся и лучшие стихи М. Герасимова: «Воздух осенний», «Обезьяна», «В кушеле чугунном», «Песнь о железе», «Мы», «Железные цветы» и другие. Излагая свое поэтическое credo, Герасимов писал:

Я не в разнеженной природе, Пред расцветшей красоты, — Под лымным небом, на заводе Ковал железные цветы. Их не касало солнце юга И не баял лунный свет, Варпанок огненная выгота Звездный обожла букет. Где гуд моторов груб и грозен, Где свист сирен, металла звон, Я перевоном медных сосен Влеван очарован и влюблен. Не в бездельном хороводе — Горел под дулом орудия. Вдувал у меня рабочим гневом Коммунистической мечты И, опынен его напевом, Ковал железные цветы.

Переход к науке, который поэт воспринял как конец революции, вывал у Герасимова глубокий идеологический и художественный кризис (поэма «Черная пена»). О подобных настроениях, которыми в те годы были заражены и некоторые другие поэты, В. И. Ленин говорил на XI съезде партии: «Самая опасная штука при отступлении — это паника. Если вся армия (тут я говорю в переносном смысле) отступает, тут такого настроения, которое бывает, когда все идет вперед, быть не может. Тут уже на каждом шагу встретит настроение, до известной степени подавленное. У нас даже поэты были, которые писали, что вот, мол, и годол и холод в Москве, тогда как раньше было тепло, красиво, теперь — торговля, спекуляция. У нас есть целый ряд таких поэтических произведений».

Однако, по мере того, как вопрос «кто-кого» решался в пользу социализма, многие поэты изживали свои упаднические настроения и вновь занимали боевые посты в рядах советской литературы. Об этих сложных процессах почему-то предпочитают умалчивать историки советской литературы. Дора восстановить в памяти на-

Сцена из оперы «Борис Годунов» Фото А. Гладштейна

исполнения, но и точной соразмерности звучания оркестра и голосов исполнителей.

Удивительная вещь — среди участников спектакля есть певцы самой разной квалификации и разных возрастных данных, но все они — в меру своих сил — хорошо поют (значит, их хорошо учат), поют в одной манере, в одном стиле. Это очень важно и свидетельствует о традициях первоклассной вокальной школы. Несомненно, сказываются здесь и некоторые общие национальные черты и особенности эстонской музыкальной культуры. Это — край чудесных песен, превосходных народных хором, что плодотворным образом влияет на профессиональное искусство, на музыкальный театр.

В режиссерской работе (поставил А. Винер) меньше единства и органичности. Режиссер много поработал со всеми актерами, отделив каждую роль, даже самую маленькую. Но не со всеми решениями здесь можно согласиться. Мало оригинального, например, в «эстрадном комбинировании» Варлаама и Мисаила в сцене в тереме. Образ Самуил Ваванца в первую очередь сценных (нелзя, корчма) обрисован остро, выразительно, верно, а в саду, в дуэте с Мариной, он вдруг тускнеет и распыляется: авантюрист становится «голубым любовником». Зато в некоторых случаях усилия и поиски режиссера и исполнителей дают благоприятные результаты. В этом смысле наряду с Борисом — Куузином, о котором мы уже говорили, необходимо упомянуть Федора (Л. Исакова). Сознание, что никогда не видел так прекрасно сыгранного сына Годунова. Уже в сцене в тереме циничный мальчуган, подзаборный мальчик и вводящий песенку «про то и про се», привлекает внимание своей задорной непосредственностью и правдивостью сценического поведения (жалко, что из спектакля вынырнул в этой сцене знаменитый рассказ Федора по сюжету популяра). Удачно короткое появление Федора со своей руке в темном тереме. Но совершенно замечатель Федор в сцене смерти Бориса: он так хлопочет вокруг отца, так по детски принимает к его груди, так внимательно слушает его наставления... Но вот царь умер. И ребенок, только что такой бесшумный, растерянный, вдруг ощущает себя взрослым, понимает, что отныне он царь. Федор заставляет себя оставить мертвого отца, распрощаться с ним, и вы-

Попутно укажем, что оформление 2-го пролога сделано художником В. Хаасом, весьма оригинально, и на его фоне горстка хора кажется еще меньше. Наоборот, в Кромах народу на сцене много, а оформление сделано в подчеркнуто бытовом, жанровом разрезе. — и стихи народного восстания оказываются скраде и н. й. притупленной.

Несмотря на все эти пороки существенные недостатки, в целом спектакль «Борис Годунов» производит отнюдь не впечатление. Он ценен не только сам по себе. После такого «Бориса Годунова» театру «Эстония» можно смело брать за самую сложную и ответственную задачу, за самую трудную новую производственную задачу нашей современности.

М. СОКОЛЬСКИЙ

О Михаиле Герасимове

Как и другие советские поэты, Михаил Герасимов преодолел свой творческий кризис. В сборниках стихов «Волное утро», «К соревнованиям!» и других мы можем встретить ряд его стихотворений, превосходных воодушевления и гордости, вышедших победным шествием социализма в нашей стране.

Последний сборник стихов М. Герасимова был выпущен в Москве Государственным издательством «Художественная литература» в 1936 году. Естественно, что многие миллионы читателей не знают его произведений. Книжки Михаила Герасимова стали библиографической редкостью.

Цель нашей заметки — напомнить о несуществующем забвоту пролетарского поэта. Нашим издательством необходимо познать широкие круги читателей в творчеством Михаила Герасимова.

Василий КАЗИН,
Семен РОДОВ,
Гр. САНИКОВ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 153 25 декабря 1956 г.

Под покровом тумана...

Михаэль ФЛОР

Час спустя после прибытия американского вице-президента в Вену в витрине американского пропагандистского центра на Куртнерштрассе уже висели метровые фотоснимки, на которых был запечатлен Никсон, выходящий из самолета. Два ряда ослепительно белых и крупных зубов, толстые губы, сложенные в знакомую стандартную американскую улыбку. Те же самые зубы и те же губы можно было видеть в течение двух дней на всех фотографиях в венских газетах.

Мистер Никсон в Вене небезызвестен. Правда, он впервые без зова и приглашения прибыл в этот город. Но здесь хорошо известны его реакционные взгляды. Газета правых социалистов «Арbeiterzeitung» писала 22 июля 1956 года, что Никсон «непопулярный политик правого крыла республиканской партии» и что его избрание было бы несчастьем для Америки и свободного мира.

По-видимому, этому несчастью в США не смогли воспрепятствовать так же, как и теперь помышлять приезде Никсона в Вену. Ему настойчиво советовали не ездить туда, потому что понимали, что будет трудно совместить эту поездку с нейтралитетом Австрии.

Но мистер Никсон не послушался. Он должен был непременно, — так, по крайней мере объясняли австрийской общественности усердные адвокаты американской политики, — доставить в Вену несколько коробок с инсинуирующим на 450 тысяч долларов. По-видимому, в Вашингтоне не нашлось другого крылья.

О якобы «гуманных» причинах приезда Никсона так много и настойчиво писали и говорили официальные и неофициальные органы, что уже одно это должно было вызвать подозрения. И сам он своим поведением также немало содействовал недоверию к провозглашенным целям поездки.

Никсон, как отмечала печать, должен был «сделать решающий вклад для решения проблемы беженцев», ставших для страны, действительно, чрезвычайной тяжелой бременем. Венгерские беженцы, большинство которых было заманено в Австрию радиостанциями «Свободная Европа» и «Голос Америки», уже обогнали ее в 300 миллионов шиллингов. Причем эта сумма ежедневно увеличивается еще на два-три миллиона шиллингов. Для такой небольшой страны, как Австрия, вынужденной и без того строго экономить на нужды социального обеспечения собственного населения, это, действительно, непосильное бремя.

Никсона ожидали, как «богатого дядю из Америки». Но, кроме чека на сумму, которой едва хватит на четыре-пять дней содержания беженцев, он ничего не привез, он оказался щедрым только на красивые слова и пустые обещания.

Впрочем, он сделал одно, довольно конкретное предложение: Союзные Штаты готовы поставлять в Австрию «излишки сельскохозяйственных продуктов» — добро, которое Америка не может сбыть ни у себя, ни за границей. Эти заваливающие продукты должны быть проданы австрийцам за полноценные шиллинги, а эти шиллинги... Может быть, они будут переданы австрийскому правительству в виде компенсации за расходы по содержанию беженцев? Нет, даже не так. Они должны расходоваться на цели, которые укажет или одобрит американское правительство.

Это предложение не принесло Никсону популярности в Австрии: американские «излишки» здесь хорошо известны по предыдущим поставкам. После отравления мотом австрийцев американским смазочным маслом его пришлось пустить для переработки на мусор.

Чем же в действительности занимается мистер Никсон в Австрии? Он очень часто становился в откровенную позу перед фоторепортерами. Но что же он все-таки делал в перерывах между фотосъемками? Он вел переговоры с австрийскими министрами и специалистами по различным вопросам. Печать охотно повествует о ничтожно значащих беседах Никсона с беженцами, но она умалчивает о переговорах Никсона с представителями австрийского правительства. И все же пресса сообщила, что вице-президент собрал сотрудников американского посольства в Вене, чтобы выступить перед ними с речью. Это было сделано не в здании посольства и не в холле отеля. Нет, для этого понадобилось снять самый большой венский кинотеатр «Форум»...

Речь мистера Никсона в «Форуме» не была опубликована. Однако стала известна одна фраза, обращенная к послу Томпсону. Никсон сказал, что его всегда посылают туда, где нужно решать особенно трудные задачи.

Настал час отъезда мистера Никсона из Австрии, в котором было нечто, что могло бы быть использовано для американского гангстерского фильма. Предоставим рассказ об этом газете, особенно усердно служившей рекламе мистера Никсона:

«Это было в пятницу, в 2.30 утра. Машина американского посольства в быстром темпе выехала из Вены и направилась к венгерской границе. Пассажир: американский вице-президент Ричард Никсон, вопреки предусмотренной программе, в соответствии с которой он уже давно должен был в постели, шагнул в темных метрах от границы сквозь туман...»

Этот туман, однако, был не столь густым, чтобы полностью скрыть, что вице-президент США нарушил правила поведения дипломата. Перед отбытием в Австрию его самым настойчивым образом предостерегали от подобной поездки на австро-венгерскую границу. «Нью-Йорк таймс» писала: «Австрийское правительство и американское посольство в Вене выразили надежду, что вице-президент во время своего визита не будет приближаться к границе. Посол США сам три недели тому назад запретил въезд в границы, так как это могло бы поставить под угрозу нейтралитет Австрии».

Однако Никсон, очевидно, считает ниже своего достоинства считаться с нейтралитетом Австрии. К тому же соблюдение нейтралитета могло помешать выполнению задач, ради которых он прибыл в Австрию. С кем встречался Никсон под покровом тумана на австро-венгерской границе? Или, может быть, он заломил шапку на выхлоп, улыбаясь, сказал: «Гуд мorning» одному из беженцев, вдруг вынырнувшего из тумана?

В американских гангстерских фильмах герои ведут себя иногда именно так, но тактичный кинорежиссер знает, что за такими наивными жестами всегда что-либо кроется...

ВЕНА, 24 декабря. (По телефону)

ОТТО ГАБСБУРГ — Ах, как малы. В миру у меня был такой важный вид...
Рисунок худ. Келера из западногерманского журнала «Симплисисимус»

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ» ОТМАРА ШПЕРЛЯ

Пять лет Отмар Шперль, социал-демократический бургомистр верхнепальфской общины Визау в Баварии, безупречно нес свои обязанности. Ныне Шперль с позором отстранен от должности бургомистра. Что же случилось?

В дни, когда террор контрреволюции в Венгрии был положен конец, Шперль отказался солидаризироваться с кровавыми мятежниками и их боникскими покровителями. Он не выполнил правительственного предписания воздвигнуть над зданием правления общины траурный флаг в честь павших фашистско-кортистских бандитов и не включился в бешеную антисоветскую травлю.

На этом основании боникские деятели объявили Шперля противником «свободы и демократии» и, как истые «демократы», расправились с ним.

Во главе правительства Баварии стоит социал-демократ Хегнер. Как же реагировал он на акт вопиющего произвола по отношению к товарищу по партии, а по существу на вызов, брошенный социал-демократической партии в целом? О неизвестном, говорят немцы, ничего известного сказать нельзя. Зато стало известно, что вскоре после изгнания Шперля баварский кабинет во главе с Хегнером постановил... лишить законом избранных в местные органы Баварии коммунистов депутатских мандатов. Одним росчерком пера аннулирован принятый ландтагом избирательный закон, согласно которому запрещение партии не может служить основанием для лишения депутатских мандатов.

Реакция велел наступление... Близкая к правым западногерманским кругам газета «Рейнишер Меркур» требует принятия энергичных мер против социал-демократической газеты «Форвертс», фракции СДПГ в бундестаге, члена руководства этой партии Герберта Венера и распространения запрещения компартии и на социал-демократическую партию Германии. Ярость газеты вызвана тем, что «Форвертс» отмежевался от белого террора в Венгрии, а Венер предостерег западные державы от попыток реставрации прежних режимов в странах народной демократии. «Нельзя запретить», — вопил «Рейнишер Меркур», — коммунистическую партию за аналогичную пропаганду и молчать, когда господина Венер выстукает в «Форвертс» в качестве адвоката народной демократии... Только объединение всех сил немецкого рабочего класса может остановить наступление фашизма, снова поднимающего голову в Западной Германии!

На предприятии «Иван Милутинович»

«По всему миру множество людей знает, что Югославия — страна храбрых партизан, страна, в которой живет Тито, страна рабочих советов...»

Георгий КУБЛИЦКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Эта характеристика читается из только что вышедшей в Белграде на русском языке книги показывает, какое место отводят наши югославские друзья своей системе управления предприятиями. Книга называется «Рабочие управляют фабриками» и имеет подзаголовок: «Мечта, постепенно становящаяся действительностью».

Мне довелось в той или иной степени ознакомиться с рядом югославских предприятий и, естественно, с некоторыми сторонами практической деятельности их рабочих советов. В частности, я бывал на белградском предприятии «Иван Милутинович» и на его производственных участках, разбросанных по стране. Свои личные впечатления и не претендующие на полноту и какие-либо обобщения разрозненные заметки я и хочу предложить читателю.

Улица Караджорджева протянулась через приречный район Белграда. У входа в длинное, пологое здание — вывеска: «Предприятие речных путей «Иван Милутинович». Здесь! Я не без волнения открываю дверь. Мне предстоит присутствовать на совещании рабочего совета предприятия. Другая секретариата информация так торжественно сообщила мне об этой возможности, что их настроение невольно передалось мне.

Однако на совещание я попадаю не сразу: жутко подлетают другие иностранные корреспонденты. В тесном кабинете директора, где нет ни ковров, ни кожаных кресел, ни бесмысленно монументального чернильного прибора, мне тем временем рассказывают историю рабочих советов.

Они, говорят заместитель директора Бориво Томич, созданы в Югославии в 1950 году, когда особенно разразилась борьба с бюрократизмом и централизацией. Каждое предприятие получило большую самостоятельность. Были ликвидированы многие министерства.

При слове «министерство» Томич фыркает, остальные, собравшиеся в кабинете, хохочут, подмигивают друг другу. В чем дело? Оказывается, один из друзей Томича был недавно в Советском Союзе, обедал в ресторане и...

— Понимаете, он взял минеральной воды, — дается смехом Томич, — а на бутылочной этикетке написано: «Такое-то министерство». Будто министерство само делает минеральную воду! Бюрократическая формалистика!

Так вот, продолжает Томич, когда прошла децентрализация, тогда-то на стены многих заводов и прибыл мраморные доски, где золотыми буквами было написано, что предприятие передано на управление коллективу. А органом этого управления и является рабочий совет.

Он избирается всем коллективом и обсуждает самые главные вопросы. Сегодня можно увидеть, как это происходит. По залу, совету должен засесть не реже одного раза в полтора месяца. Менее важные вопросы, начиная от норм выработки, месячных оперативных планов и кончая предоставлением отпусков, занимается избираемый рабочим советом его исполнительный орган — правление, или, как его обычно называют, комитет управления. В этот комитет автоматически, по должности, входит и директор.

— За прошлый год, — говорит мне, — совет и его правление приняли около трех тысяч решений по разным вопросам. Три тысячи! В среднем — по 8,2 решения в день! Неужели все это множество вопросов, среди которых, наверное, падали и мелкие, нужно было непременно обсуждать на заседаниях и совещаниях?

— Ну, пожалуй, не обязательно все. Но так вот форма, порядок...

Между тем приехал шведский и русский журналисты. Должен был еще явиться представитель французского католического журналиста («Не беспокойтесь, вполне прогрессивного направления», — для чего-то сообщили мне), но жаль его не стало.

Нас провели в большую комнату, где рабочий совет, заседавший с раннего утра и уже обсуждивший изменения в инвестиционном плане и тарифно-квалификационном справочнике, как раз должен был перейти к третьему пункту повестки дня — рассмотрению баланса предприятия за 7 месяцев.

За длинным столом, покрытым зеленой скатертью, сидели 23 человека. Комната была обставлена весьма скромно. В углу

на постаменте стоял бюст Йосипа Броз Тито, а на стене под надписью: «Живое дружить Тито» — портрет тов. Тито в военной морской форме. Стены украшали также цветные репродукции картин югославских художников.

Джордже Касич, председатель рабочего совета, металлист, член общинного комитета Союза коммунистов, продолжил совещание.

Началось продолжительное чтение баланса. Как это знает каждый из нас, ловить на слух десятки цифр и вникать в их смысл — дело нелегкое...

Чтение окончено. Желающих немедленно вступить в дискуссии по балансу не находится. Председатель объявляет: — Слово имеет друг директор.

Директор Дмитрий Попович рассказал совету о договорах, заключенных им на будущее. Чтобы захватить работы на левом берегу Дравы, ему пришлось выдерживать настоящие бои с конкурентом — загребской «Гидротехникой». Но на аукционе или на торгах, где окончательно решался вопрос, кому сдать подряд, «Иван Милутинович» резко сбавил цену. Он предложил выполнить работы на целый миллион динаров дешевле, чем бралась «Гидротехника», и выбил конкурентов из седла.

Заметив движение среди членов совета, директор поспешил тут же добавить, что даже при этой скидке подряд вполне выгоден. Ну, затем порт в Прахове — работы там остались за предприятием без аукциона, поскольку оно несколько лет назад уже начинало их. А вот начерт строительства новых причалов Белградского порта сторговаться с заказчиком так и не удалось — он предлагает за работу слишком мало, и предприятие это невыгодно.

В заключение директор сказал, что, по его мнению, предприятие может выполнить годовую план в 29 ноября — Дню республики.

Говорил он живо, образно, весело. Энергия в нем была через край. Окончив речь, он присел на край стула, готовый каждую секунду вскочить, вставить слово, бросить шутку.

Председатель рабочего совета Джордже Касич, напротив, выступил несколько сдержанно, суховатым. Он выразил надежду, что все будет иметь в виду желательность выполнения плана к Дню республики.

Снова взяв слово директор. Для успеха дела, сказал он, решено... Нет, еще не решено, но если совет одобрит, то на те участки, где некогда мешал работе, будет отправлено вспомогательное оборудование.

После этого наступила продолжительная пауза, хорошо знакомая и нам, грешным, по опыту не самых удачных собраний...

— Вот тут есть представитель строительства Дунай — Тисса — Дунай, может, он хочет выступить, — в голосе председателя прозвучала надежда.

Начальник строительства канала, молодой инженер Филиппович встал — ростом он оказался под потолком — и пожаловался на отравывание себя на тяжелых грунтах, завая 30 кубометров в час весом 120. Он предложил не брать новых работ, пока предприятие не закупит хорошие механизмы и не освоит по-настоящему те, которые имеет.

— Активные, другие, активнее! — призвал председатель. — Баланс — вещь серьезная!

Откликнулся друг Сторбен, который в предельно краткой речи спросил, чтобы строителям платили на Врбасе поскорее присланы резиновые сапоги — от дождя там все раскисло.

Директор не без горячности возразил ему, что на всех сапог не напасешься. Разве не в Врбасе какие-то растаяли утятицы четыре пары резиновых сапог?

Затем высказался председатель комитета управления Любомир Янкович, отметивший, что за последнее время предприятие уложило работу и, видимо, окончит год с прибылью.

Последним выступил друг Морич, предложивший известить об итогах выполнения плана весь коллектив.

На это обсуждение баланса предприятия за 7 месяцев закончилось.

Гораздо оживленнее обсуждались вопросы в «разном», при утверждении решений комитета управления. Зашел спор

о том, стоит ли посылать инженеров в Советский Союз, Италию и Чехословакию для того, чтобы они ознакомились там с новыми методами гидротехнических работ. В принципе никто не возражал против посылки, но выражались опасения, что это обойдется слишком дорого. Директор успокоил спорщиков: возможно, поездки состоятся на основе взаимного обмена и не отразятся на прибылях предприятия.

В заключение совет после дискуссии утвердил несколько премий и наград инженерам, старшему рабочему и председателю рабочего совета.

Когда все кончилось и корреспонденты фотографировались вместе с членами рабочего совета и директором, я спросил у Джордже Касича, удовлетворен ли он сегодняшним заседанием.

— Да, конечно, многим пока еще трудно даваться в баланс или инвестициях, но мы организуем курсы изучения экономики, — неопределенно сказал председатель рабочего совета. — В нашей практике еще имеются отдельные недостатки...

— Может быть, кое-что носит пока несколько формальный характер? Но с этим Джордже Касич не согласился.

Когда я вернулся из Югославии, один знакомый спросил меня: — Правда, что там, на заводах, рабочие сами себе выбирают директора, а если один не понравился, — прогоняют и берут себе другого?

Я показал ему последние югославские бюллетени, в которых указаны действующие законы, и сложившаяся практика. Вот что там написано: «Директора предприятия назначает (выделено мной). — Г. И. общинный народный комитет».

«Рабочий совет предприятия не имеет права сменять директора».

Правда, в комиссии общинного народного комитета (он примерно соответствует нашему районному Совету), которая по конкурсу отбирает подходящих кандидатов из числа желающих занять этот пост, треть составляют представители рабочего совета предприятия. Они могут отстаивать свое мнение.

Дмитрий Попович на предприятии «Иван Милутинович» работает уже несколько лет. До этого он был заместителем министра, ведающего речным флотом и речными путями Югославии. Когда министерство ликвидировали, как говорит Попович, «за полнейшей ненужностью», он стал директором и чувствует себя здесь на своем настоящем месте.

Мы говорим о взаимоотношениях директора и рабочего совета. Друг Попович вскакивает на-за стола: — Хотите знать, — я просто не представляю, как бы теперь смог работать без совета!

И друг Попович говорит о том, что рабочий совет и особенно комитет управления на предприятии главные директора и они, не вмешиваясь в оперативное руководство, в то же время берут на себя основную долю ответственности за все дела. А разве может директор не быть благодарным комитету управления за то, что он занимается, например, и таким приятным делом, как рассмотрение всяческих жалоб, могущих служить поводом для конфликтов внутри коллектива?

— Ну, а если совет будет недоволен вашей работой?

Видно, друг директор не допускает такой мысли. Но если бы рабочий совет и попросил о смещении директора, а комиссия при народном комитете не нашла бы для этого веских оснований, то директора оставили бы на месте. При этом народный комитет может распустить рабочий совет и назначить новые выборы. Если же и новый совет займет ту же линию, то директора, наконец, сменяют.

Не слишком ли урезаны права директора на предприятии? Нет, друг Попович этого не находит. Он руководит всей производственной и коммерческой деятельностью предприятия, находит и увольняет работников, целиком отвечает за дисциплину на предприятии. Наконец, в законе прямо сказано: «Рабочие и служащие за свою работу на предприятии несут ответственность перед директором».

— Но, разумеется, главное всех на заводе — это коллектив и его органы самоуправления, — снова говорит друг директор. — Коллектив распоряжается всем. Именно он, а не кто-либо распределяет прибыли. Вы слышали о «вышке»? Это очень, очень важно!

Но о «вышке» — в следующий раз.

„Антология 1956 года“

Молодежное издательство ГДР «Нейес лебен» выпустило в свет «Антология 1956 года» — сборник, составленный из лучших лирических произведений молодых поэтов обеих частей Германии за последние десять лет. В сборник включены произведения около 30 авторов. Тут мы найдем глубоко лирические произведения Франца Юмана, стихи рано умершего Вольфганга Борхерта, любовную лирику Анны-Марии Бюстерм, вечнолающие строфы Пауля Винса и Юнтера Дейке.

В связи с выходом сборника газета «Нейес Дейчланд» пишет, что в наши дни на высоте своих задач может быть только такая лирика, которая не стоит в стороне от общественной жизни, а отражает эту жизнь и помогает ее развитию. Поэтому в сборнике предпочтение оказано тем поэтам,

которые пишут о людях нашего времени, о их жизни и борьбе. Если для творчества молодых лириков ГДР характерны настроения уверенности, активного участия в жизни, то у многих западногерманских поэтов мы видим проявления пессимизма, стремление уйти от современности.

Несмотря на такой довольно пестрый подбор материалов антологии, надо сказать, что его составителям удалось сделать большое, полезное дело, собрать, как об этом пишет прогрессивная печать, «поэтический урожай десяти лет, объединив ушедшее и то, что осталось попыткой». Главное, за что выступает новый сборник, это та проблема современности, о которой поэт Пауль Винс сказал: «Чтоб дороги стали шире на земле, мудрей, сердечней люди».

КНИЖНАЯ ПОЛКА ЗАРУБЕЖНЫХ НОВИНОК

тема книги «Там, за рекой, — Аргентина», ей уделены многие страницы и целые главы. «А что, собственно,

TAM ZA REKOJ ARGENTINA

„Там, за рекой, — Аргентина“

Наша полноразмерная книга, которую удалось получить последнюю книгу трех томов на «Аргентина» и «Аргентина» чехословацких инженеров в то мобилизации Иржи Ганзелки и Мирослава Зикмунда, а читатели Чехословакии уже имеют возможность пополнить свои библиотеки новой работой этих авторов — первой частью путевых очерков по Южной Америке «Там, за рекой, — Аргентина». Она выпущена отдельным изданием, с массой очень интересного иллюстративного материала, пражским издательством «Орбис».

Десять тысяч километров прошла «Татра» по землям Аргентины, Парагвая, Бразилии и Уругвая, более восьми месяцев чехословацкие путешественники восторженно исследовали, впитывали, наблюдали окружающее их, и раскрывающую книгу «Там, за рекой, — Аргентина», окунаясь в мир, богатый и полный неизвестности.

Первые главы книги посвящены Буэнос-Айресу и его окрестностям. Мы попадаем в столицу Аргентины в воскресный день; авторы ведут нас по этому большому южному городу, бурлящему жизнью, и обстоятельно знакомят со всеми особенностями быта, национальных нравов и темперамента. Нетрудно поделиться впечатлениями о виденном, но не так-то легко облечь их в такую форму, чтобы у читателя создалась глубокая и многограсская картина далекой действительности. Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд отлично владеют мастерством очеркового повествования, которому у них, при широте подмеченного и богатстве ассоциаций, присущи легкость и

какое-то изыскание, напоминающие непризнанность устного рассказа, импровизации. Так написана, скажем, первая глава: «Между Африкой и Америкой» — о многодневной поездке паромом через океан, в которой авторы не без иронии представляют читателю своеобразный мирок паромных обитателей. Книги чехословацких путешественников обладают высокими художественными достоинствами, они — выражение живой традиции путевого очерка, путевого описания или дневника, традиции, столь характерной для современной чехословацкой литературы. Стоит назвать лишь несколько книг, изданных в последние полтора-два года, чтобы убедиться в активности писателей Чехословакии в этом литературном жанре. «Страна под экватором» Иржи Марек — о поездке в Индонезию, «Индийское лето» Людвика Аншензла — о пребывании в США, «Улыбающаяся Гватемала» Норберта Фрида, «Жаркие страны» Яна Дры — о Южной Америке, «В стране, где восходит солнце» Владимира Минча — о путешествии в народный Китай. И очерковые записи чехословацких автомобилистов занимают, несомненно, среди этих произведений видное место.

...Позади Буэнос-Айрес, необозримая мантия — «страна белого золота» — расстилается вокруг. Рассказ И. Ганзелки и М. Зикмунда об этой части своего путешествия особенно увлекателен — ведь каждый приезжающий в Аргентину обязательно побывает в ее столице, но лишь немногие отважатся на поездку в пампу, где вряд ли увидишь что-либо достойное внимания туриста, — здесь лишь стада быков и поля «белого золота» — хлопка. Однако для чехословацких авторов именно эта внутренняя область страны — Чакко представляла большой интерес. В Чакко живет и работает немало их соотечественников-чехов, в разное время и по разным причинам покинувших родину. Встречи с соотечественниками — это особая

привело вас в Аргентину? — трудно сказать, скольким людям задали мы этот вопрос, — пишут И. Ганзелка и М. Зикмунд, и каждый ответ на него — рассказ о трудной чехословацкой судьбе.

Чакко — благодатный, но коварный край. Когда-то пришел сюда восточный индеец, больше всего истребив туземные племена; их потомки и новые пришельцы, благодаря исключительному трудолюбию и хорошим природным условиям, превратили Чакко в богатейшую страну, но многие и им оказалось не под силу — и громадные пространства, долины рек, сильно разливавшихся весной, болотистые низменности не освоены, необитаемы. Крута стихия в этих краях, беззащитны люди перед ее лицом: еще утром крестьяне радуются богатому урожаю хлопка, а вечером уже нечего было убирать — все уничтожила саранча. «Крылатый призрак», как ее называют в Чакко, надвигается огромными тучами площадью до четырехсот квадратных километров.

Повесть обо всем этом, путешественники постоянно обращаются к причинам массовой иммиграции их соотечественников-чехов и словаков в страны Южной Америки в прошлом. Эти причины — социальное неравенство, лишения, а иногда, как замечает Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд, и то специфическое обстоятельство, что у народов, не имеющих моря, более всего развито стремление видеть мир и склонность к приключениям. Но каковы бы ни были мотивы, побуждавшие людей оставить родину, почти каждый из них высказывал желание вернуться домой.

Своеобразны обычай этих мест, своеобразна вся строй жизни их обитателей. Здесь мало кому придет в голову удивляться, узнав, что машинист, который вел поезд на большом пустынном перегоне, на заходе солнца оставил его, заявив, что рабочий день кончился, и, несмотря на протесты пассажира, улетел спать на насыпи. Вло-

не нормальным считается также и то, что аргентинцы регистрируют браки в своей стране, а разводиться ездят за реку, в Уругвай. — аргентинские законы строже уругвайских. Поразительно богатый запас наблюдений собрали чехословацкие автомобилисты, путешествуя там, где никогда не появлялась автомашина, по дорогам, на которых с семидесяти пяти лошадиными силами «Татры» приходилось добывать две волюны. Многие из того, что рассказывают И. Ганзелка и М. Зикмунд, кажется нам совершенно новым и экзотическим, но подобно тому, как авторы за внешней эффектностью и необычностью увиденного познают трудную действительность, которую открывают для себя действительность в их книге И тогда и полицейский участок посреди девственного леса на узкой полосе аргентинской территории между Парагваем и Бразилией, предназначенный для борьбы с контрабандой, и чех-перевозчик на южноамериканской реке, жадно слушающий каждое слово соотечественников и сколачивающий себе деньги для возвращения на родину именно перевозкой контрабандистов, и труд поточных служащих в Парагаве, которым не доверять продажу марок, ибо их стоимость выше заработка этих людей, и будни обитателя пампы, занимающегося охотой и получающего «два песо за метр змея», — пожалуй все это получает новое освещение, экзотика блекнет, и мы видим за нею реальную человеческую жизнь, исполненную своих трудностей и своих тягот.

Самые неожиданные встречи подстерегают порой чехословацких автомобилистов в странах, казалось бы, так далеких от всего, чем жил в последние десятилетия наш континент. Немцы, живущий в Парагаве, рассказал им о том, как забросила его судь-

ба в эти края. В сороковом году Гитлер, обуреваемый замыслами современного конкистадора, направил в Парагвай четверых своих механиков и с ними соратник «мессершмиттов» в разобранном виде, рассчитывая, что все это пригодится ему в Южной Америке в ближайшее время. Но «мессершмиттам» не суждено было подняться в парагвайский небо: Гитлер, болевой, забыл, что существование России, — говорит собеседник И. Ганзелки и М. Зикмунда, который с той поры остался вдали от родины. Беседы с рабочими, крестьянами, простым трудовым людом, встречавшимся в пути, заполняют многие страницы книги «Там, за рекой, — Аргентина» и составляют важную часть авторского повествования. Из них читатель может вполне узнать жизнь трудящегося народа, в них еще более рельефно обрисован его глубоко симпатичный образ. «Пишите не о бразильской крупной индустрии, а о большой нищете бразильского рабочего», — посоветовал авторам литейщик одного из заводов, и в их очерках мы всегда находим подлинную картину реальности, всегда видим, по их выражению, «блеск и тени».

Массу интереснейших сведений вместили страницы книги «Там, за рекой, — Аргентина». Нельзя оторваться от глав, посвященных одному из красивейших городов мира — Рио-де-Жанейро и ежегодному карнавалу, проходящему в нем, за четыре дня которого на улицы бразильской столицы выплескивается вся сила и буйность темперамента ее жителей, людей, крайне жизнерадостных по натуре, но целый год занятых

трудом и отказывающих себе в развлечениях. Подробно описаны авторами Сан-Паулу, считающийся «символом современного американства», промышленный центр, в котором около двух миллионов населения, всего лишь два театра и нет ни одного концертного зала. Вместе с путешественниками входим мы в Бутантан — единственный в своем роде институт, вырабатывающий противоядие от змеиных укусов, знакомых с опасным трудом его работников. Кстати, во многих областях Бразилии неводные змеи — это домашние животные. Они безопасны для человека и не причиняют никаких неудобств — их нужно кормить раз в два три месяца, зато польза, приносимая ими, очень существенна: в саду, где поселится такое домашнее животное, не появятся ни одна ядовитая змея. Они привякают к людям и особенно любят к детям, сопровождают их в прогулках, хрюкают от всяких неожиданностей.

Какую похвалу мы считаем высшей для книги, повествующей о далеких, неизвестных нам странах? Мы говорим, что побывали в тех местах, о которых пишут авторы.

И прочитав новую книгу чехословацких автомобилистов Иржи Ганзелки и Мирослава Зикмунда «Там, за рекой, — Аргентина», мы действительно, так ясно представляем себе рассказанное ими, словно вместе с ними посетили Южную Америку, смотрели на все их глазами, и эти глаза оказались зоркими и наблюдательными.

Ю. ГАВРИЛОВ